

АНТОНОВ А. И.

АННА ЯРОСЛАВНА

Александр Антонов

Анна Ярославна. Русская королева

«Алгоритм»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Антонов А. И.

Анна Ярославна. Русская королева / А. И. Антонов —
«Алгоритм»,

ISBN 978-5-501-00209-8

Александр Ильич Антонов (1924–2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953 г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х годов Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003 г. Роман «Русская королева» повествует о жизни одной из наиболее известных женщин Древней Руси, дочери великого князя Ярослава Мудрого Анны. Совсем юной ее выдали замуж за французского короля Генриха I. Молодая, красивая, образованная и умная принцесса знала несколько языков. Ее старший сын Филипп после смерти своего отца стал королем Франции. Но ему было всего девять лет, а потому вместе с ним правила и его мать, которая, по преданиям, была мудрой и справедливой королевой. Никто не знает, как сложилась ее дальнейшая судьба: могила Анны Ярославны не сохранилась и до сих пор неизвестно, в какой стране ее похоронили. Есть версия, что она умерла в 1089 году во Франции, но согласно другой легенде, Анна вновь оказалась на Руси.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00209-8

© Антонов А. И.

© Алгоритм

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	42
Глава пятая	48
Глава шестая	55
Глава седьмая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Антонов

Анна Ярославна. Русская королева

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

*По преданию, всюду, где бы она ни появлялась, под ее ногами
вырастали прекрасные цветы, и обаянию ее красоты покорялись все:
боги, люди и даже звери.*

Рене Менар. Мифы в искусстве

Глава первая

День рождения

Великий князь Киевский и вся Русь Ярослав Мудрый в ночь накануне Ивана Купалы никак не мог уснуть, и даже крепкая медовуха ему не помогала. Он радовался и печалился. В сей веселый праздник его любимой дочери Анне, в крещении – Анастасии, исполнялось двенадцать лет. Возраст – отроческий. И ей бы с мамками-боярынями заниматься шитьем-вышиванием, учиться всякому женскому рукоделию, грамоту одолевать, как давно повелось в роду от прапрадеда великого князя Игоря¹ для отроковиц, а нет, у этой княжны все повадки, замашки, как у отчаянного отрока. И нет ей укороту даже от родительской строгости.

День назад, возвращаясь с сотней гридней² из села Берестова берегом реки, Ярослав увидал, как его любимица в версте выше Киева вместе с боярскими отроками плыла через Днепр. Великий князь едва не потерял дар речи от страха за жизнь безрассудной дочери, сам готов был пуститься вплавь за сумасбродкой и ринулся к воде с воплем: «Господи, она же утонет!» Но воевода Глеб Вышата вовремя остановил великого князя: «Не испытывай судьбу, батюшка. – И крикнул своему младшему брату: – Обереги княжну!»

Ян Вышата вмиг стащил с себя сапоги и кафтан, бросился в воду и пустился догонять Аннушку. Днепр в эту пору «макушки» лета был спокойный, тихий. Даже на стремнине могучей реки воды катились медленно. Ян Вышата видел, как княжна Анна прошла самое опасное место на стрежне, и облегченно вздохнул: «Миновала прорву». И три отрока³, которые плыли обочь княжны, одолели стремнину, приближаясь к луговому низменному берегу. Однако в этот миг с Аннушкой что-то случилось. Крикнув «ой» и вскинув руки, она скрылась под водой. Ян нырнул следом и мощными гребками догнал княжну. В прозрачной воде он увидел, что ноги Аннушки запутались в густых водорослях. И вот Ян рядом. Обняв Анну, он с силой рванул ее вверх, водоросли оборвались, и Ян с княжной всплыли. Берег был уже близко, вскоре воин почувствовал под ногами песчаное дно, встал и, подхватив Анну на руки, побежал. Ноши на руках он не чувствовал.

Той порой около великого князя Ярослава собрались княжьи мужи, сбежались досужие горожане, все ахали и охали без проку. Брат Анны, молодой князь Владимир, уже раздобыл челн и плыл с двумя воинами к левому, луговому берегу. Ярослав увидел, как Вышата вынес Анну на берег, как, опустив ее на песок, кулаком грозил отрокам, кои выбрались из воды. Тут пристал к берегу челн, князь Владимир подбежал к сестре, скинул с себя кафтан и укрыл ее.

– Ах ты, мокрая курица! Зачем дерзнула тягаться с перелетками? – укорил Владимир сестру. – Вот уж будет тебе от матушки с батюшкой!

Юная княжна, однако, весело засмеялась. Она одолела себя и была счастлива своей победой. Парнишкам она крикнула:

– Эко я вам нос утерла! – И тут же, вскинув на Владимира из-под бархатных ресниц большущие синие глаза, взмолилась: – Братец, оборони меня от батюшки! Он строг и замкнет меня в тереме.

– Того заслужила. Скажи спасибо Яну, что оберег тебя от водяного дядьки, – отозвался Владимир.

---

¹ *Прапрадед великий князь Игорь* – киевский князь (ум. в 945 г.), в 941 и 944 гг. совершил походы в Византию и заключил с ней договор; убит древлянами при сборе с них дани.

² *Гридень* – княжеский телохранитель; воин отборной дружины; гридница (гридня) – помещение при княжеском дворе для пребывания гридней или приема гостей.

³ *Отрок* – мальчик-подросток в возрасте между ребенком и юношей; член младшей дружины князя в Древней Руси, прислужник.

Он поднял сестру на руки и понес ее к челну. Когда уселись отроки и воины, повелел:
– Гоните ко граду во всю мочь!

В тот же день великий князь Ярослав держал в своем покое совет с великой княгиней Ириной.

– Как нам укоротить, матушка Ирина, нрав неумного дитяти? Даже мальцы не приносят нам столько хлопот. Ноне она Днепр переплывала, а завтра умчит на челне к порогам.

– Если бы ты, князь-батюшка, меньше потакал ей да приставил строгих мамок, так и печали бы не знали. – Сама великая княгиня, роду норвежского, никогда не баловала своих детей, а их у Ярослава и Ирины было семеро. – Ты упрекни ее твердо да приставь к ней боярынь Степаниду и Феофилу. Они-то ей спуску не дадут.

– Верно речешь, матушка, да всякий раз Аннушка смущает меня своим кротким, как у Богородицы, взглядом. То-то уж плутовка! Вот и строгости моей конец.

– А ты одолей смущение. Строг же ты с воеводами.

– Ей-ей, не ведаю, достанет ли сил на одоление, – тяжело вздохнул любящий батюшка. И все-таки князь Ярослав нашел мудрое решение: – Ладно, будь по-твоему, матушка, возьму ее в хомут и отдам по осени книжной мудрости учиться, речь греческую и латинскую познавать, как было заведено при батюшке. А пока, как день рождения минует, в Берестово ушлю под строгий надзор твоих мамок.

– И во благо, – согласилась княгиня. – Да в пример Елизавету ей поставь, дабы равнялась на старшую сестрицу.

Позже, за вечерней трапезой, когда вся великокняжеская семья, близкие княжья мужи и бояре сидели за столом, Ярослав объявил дочери Анне свою волю:

– От тебя, княжна Аннушка, нам с матушкой большая доука, потому велю тебе сидеть до осени в Берестове под присмотром мамок, коих поставлю над тобой, чтобы не вольничала. Слово мое тому неизменно.

Выслушав батюшку, княжна посмотрела на любимого брата Владимира, на старшую сестру Елизавету: их лица были строги и они не проявляли к ней никакого сочувствия. Княжич Владимир поджал полные губы, словно замкнул их на замок, а княжна Елизавета даже погрозила ей кулачком. Аннушка поняла, что они осуждают ее поведение. «И правильно делают», – согласилась она. Не было подобного в княжеском роду, чтобы отроковицы так вольничали, смущали родителей и вгоняли их в страх. И, будучи умной головушкой, Анна безропотно приняла наказание. А уж как ей хотелось побыть в хороводе на берегу Днепра, побегать вокруг костра, а то и попрыгать через огонь, как это делает сестра Елизавета! Смирение, смирение – вот что осталось ей, и она тихо сказала отцу:

– Батюшка, ты волен меня наказать, я того стою. И в Берестове буду вести себя богобоязненно.

– Вот и славно. Ты ведь разумная, и тебе пора за грамоту садиться. Так ли я говорю, матушка-княгиня?

– Истинно так, князь-батюшка, – отвечала княгиня Ирина.

На том и закончился разговор отца с любимой дочерью. В этот день между воеводами, князьями и боярами шла более важная беседа о военных делах. Завершалось трехлетнее стояние против Польши и хождение в нее. Король Мечислав после смерти отца, пользуясь тем, что Ярослав ходил с дружиной в Ливонию, дабы собрать дань с чуд и латышей да заложить город Юрьев, дерзнул напасть на западные земли Руси. Пospешив из Ливонии, Ярослав остановил Мечислава, разбил его войско и взял город Бельз. На том, однако, не успокоился. Как пришел к нему на помощь любезный брат Мстислав, вернул в лоно Руси все города червонские, прошел победным походом по Польше. За этот поход было кому воздать хвалу и благодарность Ярославу Мудрому и его брату Мстиславу. Они вывели из Польши тысячи русичей, плененных ранее поляками, и заселили ими берега близкой к Киеву реки Роси.

Разговоры о минувших боевых походах и сечах сменили жаркие споры об охоте, лились меды, кипели страсти. Но то мало интересовало отроковицу Анну. Она не спускала глаз с молодого воеводы Яна Вышаты, у коего ноне побывала на руках. Боярин Ян Вышата пришел из Новгорода лет восемь назад, был стремленным у старшего брата, а за каких-то шесть лет поднялся до тысяцкого и воеводы. Высокий, широкоплечий, светлокудрый и голубоглазый Вышата, по мнению княжны Анны, был самым красивым воеводой из княжеского окружения. Разве что с ним мог посоперничать недавно появившийся в Киеве норвежский принц Гаральд. У Гаральда были светло-рыжие волосы, какие-то необыкновенные серо-зеленые глаза, и весь он казался горящим факелом: безудержный, неукротимый, отважный. Он не ладили с отцом, королем Норвегии, и покинул родину. В Ливонии он нашел дружбу великого князя Ярослава и поступил к нему на службу. Теперь он сидел напротив Елизаветы и, как отметила Анна, пялил на нее глаза. Зоркая отроковица, кидая взоры с Гаральда на сестру, увидела, что принц и княжна очень похожи друг на друга. Было у них лишь одно различие: Елизавета не была такой огневой, как Гаральд. Анна невольно завидовала сестре. Та могла ласково смотреть на приезжего принца, ежели он ей был люб. Однако Елизавета умела сдерживать свои чувства. Твердость нрава пришла к ней от матушки, а больше, как сказывал батюшка, от прапрабабки – великой княгини Ольги. По тому домашнему преданию Аннушка была похожа по нраву на бабушку Рогнеду, жену великого князя Владимира Святого. Все Анна взяла от нее, да пока не проявила того, лишь неугомонность Рогнеды торжествовала в ней, за что и упрекал ее батюшка. Но дальше упреков дело пока не дошло. Было похоже, что всю любовь, кою Ярослав питал к матери, он перенес на младшую дочь.

Княжна Анна грустила и печалилась, что день рождения у нее оказался скучным и за столом ей делать было нечего. Она горевала о том, что завтра покинет стольный град и ее увезут в глухое лесное село Берестово. В том селе Анна была лет пять назад: батюшка возил туда всю семью на освящение нового храма. В селе Ярослав и его семья провели один день, и в памяти Анны остались лишь палаты княгини Ольги да церковь, построенная ею. Стараясь быть незамеченной, Анна ушла из трапезной, поднялась в свою опочиваленку, сама разобрала постель и спряталась под одеяло. Однако печаль не разгулялась в ней, и отроковица вскоре сладко уснула.

Матушка разбудила ее чуть свет, приласкала, к груди прижала, посетовала:

– Горевать по тебе буду, дитятко мое неразумное. Да на батюшку уж ты не гневись, что шлет в неволю сельскую.

Княгиня сама облачила доченьку в дорожную одежду, отвела в трапезную, а там, едва Аннушка что-то пожевала, пришел князь Ярослав и повел ее на двор, прижимая к крепкому отцовскому боку. На дворе Анну усадили в возок вместе с двумя мамками-боярынями, и в сопровождении десяти воинов княжна покинула отцовское подворье. Утренняя заря еще только-только разгулялась. На прощание отец сказал:

– Я по тебе буду скучать, сердешная.

– И я тоже, батюшка, – ответила Анна с теплой улыбкой на полусонном лице.

Берестово встретило княжну Анну тишиной и покоем. Здесь вот уже сто лет жизнь протекала по заведенному великой княгиней Ольгой уставу. Правда, село выросло, расширились крепостные стены, душ прибавилось. Но Ольгины палаты сохранились в том виде, в каком стояли в последние годы ее жизни. Как ни крепилась княжна, но, увидев скучную и размеренную жизнь берестовчан, вовсе пришла в уныние. Как она будет коротать время до осени в окружении строгих мамок-боярынь? Правда, в первый же день, когда мамки вывели ее на прогулку, Анна отметила, что и в глухом лесном селе люди весело справили праздник Ивана Купалы. Княжна, насытившись однообразным зрелищем села, упростила-таки мамок погулять с нею за крепостной стеной, и там, на берегу большого пруда, она увидела потухшее кострище, притоптанную траву на лугу и еще плавающие на воде венки из полевых цветов. «Да что с

того, ежели мне этими забавами не довелось усладиться», – подумала княжна, покидая берег пруда. Она поспешила в терема, чтобы спрятаться в опочивальне и окунуться в уныние, от коего и польза есть благая: когда надменные боярыни Степанида и Феофила придут к ней, она может прогнать их из своих «владений». Нелюбовь к этим боярыням нарастала в ней с первого дня, как только их приставили к верховодству. А сегодня Анна и вовсе взбунтовалась в душе против них. Когда шли по селу, берестовские бабы и мужики кланялись ей в пояс. Анна тоже склоняла перед ними голову. Но сперва боярыня Степанида одернула ее, а потом и Феофила не отстала да больно ущипнула.

– Батюшка наказал держать тебя в строгости, а ты вольничаешь, шею гнешь пред смердами⁴. Негоже сие. Вот и терпи именем великого князя, – скрипучим голосом отчитывала Анну Феофила.

Анна прикусила нижнюю губу и стерпела щипок от боярыни. Тут заклокотала Степанида:

– Ахти, Феофила, ты забыла, что батюшка-князь вовсе велел держать ее в теремах, а мы ее на волю повели. И она же забывает о доброте нашей. Ишь раскланялась смердам!

Придя в опочивальню, Анна закрылась и никого не впускала. А на досуге дала тому незаслуженному щипку свою цену. Такая вольность над чадом великокняжеской семьи никому не позволена. И Феофиле еще придется претерпеть наказание за свою вину. Да и за смердов княжна заступилась: высокомерие боярынь к ним непростительно.

Скука и досада на тошную жизнь развеялись у Анны лишь на другой день в храме во время богослужения. Вечерняя служба шла в честь святой великой княгини Ольги, вел ее священник Афиноген, внук протоиерея Михаила-курсунянина. Второй внук, Илларион, тоже был священником. Служил он в новом храме Святой Софии. Во время богослужения Анна заметила возле себя отроковицу одних с собой лет. Та мелькала мимо нее, словно муха, каждый раз скрываясь и появляясь неведомо куда и откуда. Как поняла Анна, делала это берестовская докучница умышленно, дабы обратить на себя внимание. И княжна не утерпела, спросила ее:

– И чего как курочка-ряба мельтешишь? – И сердито добавила: – Молению к тому же мешаешь. Говори, кто такая?

Незнакомка остановилась, улыбнулась. Веснушки заиграли на ее лице, ярко-зеленые глаза засверкали камушками самородными:

– Я Настена. Здешняя. Тебе понадобится. Оттого и дала знать.

Феофила цыкнула на нее:

– Изыди, негодница, не мешай молитве.

Настена поклонилась Феофиле и смиренно ушла в ризницу. Там она увидела свою бабушку по матери, спросила:

– Баба любая, скажи, как звать княжну, коя с мамками стоит близ алтаря?

– Не ведаю, внученька. Их у батюшки Ярослава много. Ты у деда Афиногена спроси, – ответила румянолицая Пелагея.

– Осердится. Лучше сама у нее узнаю. – И Настена вновь ушла в храм.

У княжны тоже проявилось любопытство: заинтересовала ее Настена. И когда та вновь появилась около амвона, Анна подошла к образу Иоанна Предтечи, возле которого служка зажигал свечи, и спросила:

– Чья эта рыжая в конопушках?

– Настенка-то? Так внучка тиуна⁵ Данилы и батюшки Афиногена. Ты ее сторонись, матушка, она куролесица вельми знатная.

– Спасибо, отче, – ответила Анна и вернулась к мамкам.

---

⁴ Смерд – земледелец, крестьянин-общинник в Древней Руси.

⁵ Тиун – управляющий княжеским или боярским хозяйством; судья низшей степени.

– Чего это ты к дьячку приставала? – спросила подозрительная Степанида. – В храме то не положено.

– Нет, положено, – твердо ответила Анна. – Я спросила, что это за святой, строгий ликом. И он мне поведал, что сие есть Иоанн Предтеча. А вы того не знаете.

Вскоре служба завершилась, певчие исполнили последний благодарственный канон. В храме появился священник Илларион. Он подошел к Анне, поклонился ей и боярыням, сказал:

– Мой отец помнил твою прапрабабушку, княжна-отроковица, и рассказывал, какую она была после крещения. Верю, что Всевышнему будет угодно и тебя, матушка-княжна, наполнить той же благодатью и милосердием к ближним. Твоя прапрабабушка была святая. И в этом храме пятнадцать лет покоились ее нетленные мощи. Приходи днем, и я покажу тебе, где стояла ее рака.

– Спасибо, отче, я приду, – ответила Анна, а сама заглянула за спину Иллариона, так как увидела в дверях ризницы сперва Настену, а потом какое-то светящееся облачко. Анна ждала, превратится ли опять облачко в Настену. Но Илларион сделал шаг в сторону и закрыл собою дверь в ризницу. Он хотел было рассказать еще что-то о святой Ольге, но догадался, что за его спиною кудесничает Анастасия, и сказал Афиногену:

– Братец мой, укроти неумную отроковицу.

Той порой боярыням речение Иллариона показалось скучным, и они увели княжну из храма.

Летний вечер еще благоухал и манил на природу. Но Степанида и Феофила ложились в одно время с курами, когда они на насесте засыпали. Поэтому в согласии боярыни увели Анну в терем. В опочивальне Анна помаялась-таки от скуки, но уснула, как только угасла вечерняя заря. Вскоре в палатах наступила глухая ночная тишина. А ровно в полночь из поварни через трапезную неслышно промелькнула серая тень, поднялась по лестнице во второй покой и распустилась перед дверью в опочивальне княжны, минуя храпящих в боковушке мамок-боярынь. Спустя мгновение тень приблизилась к постели Анны, развеялась, и вспыхнул розовый сарафан Настены. Осветилось ее лицо. И не было в нем ничего отроческого, а словно из глубины веков смотрела на княжну сама Мудрость, и губы Анастасии шептали таинственную молитву:

– От Всевышнего и от Богородицы в тебе прорастает некое зерно, и нет тому зерну начала, и уходит оно в беспредельность. Оно постоянно в тебе и, как все благое, породит любовь и милосердие, силу и нежность, разумные порывы и доброту ангельскую, восторг и удивление, терпимость и чистоту деяний – все безмерно, все отдаваемо тобою ближним.

Анастасия прикоснулась к лицу Анны, и княжна проснулась. Она провела руками по лицу, будто сбрасывала наваждение, и спросила:

– Зачем ты здесь? И как ты вошла, меня же стерегут?

– Ты ведь звала меня, – сказала Настена, – вот я и пришла.

Она была уже земная, и Анна отмахнулась от нее.

– Напрасно говоришь. Ты мне без надобности, – ответила за Анну гордыня. – А уж ежели моих мамок разбудишь, то будет тебе от них на орехи.

– Не бойся, они крепко спят. – И Настена погладила руку Анны. – Вспомни, о человеке ты думала, когда засыпала.

– Да вроде бы шуршало что-то в голове сквозь дрему, – оживилась Анна. – Я подумала, что ты чудная и не как все...

– А еще о чем?

– О том, что хочу с тобой дружить.

– И сомнений не было?

– Как ты можешь о том спрашивать? – И Анна приподнялась на локте.

– Прости, что брякнула лишнее. Вставай. Я покажу тебе то, чего никто не покажет. – Настена подала Анне сарафан. – Я поведу тебя к твоей судьбе.

Княжна не стерпела над собой насилия однолетки:

– И чего это ты рвешься верховодить? Говори, куда идти, сама приду. А не то гуляй.

И все-таки княжна поднялась охотно, сама надела поверх рубашки сарафан и босая последовала за Настеной.

Они вышли из опочивальни. Анна услышала храп спящих боярынь, усмехнулась и поспешила за Настеной вниз, в трапезную, оттуда в поварню. Они покинули палаты. И не увидела ни одна живая душа. Даже большой рыжий пес у конюшни не проявил к ним интереса, лишь постучал по земле хвостом и продолжал дремать. Ночь стояла теплая, звездная, месяц лежал на окоме, словно серп после жатвы на ниве. А на востоке небо уже наливалось алым соком. Близ церкви, под старым дубом, Настена остановилась, приблизилась к Анне. Ее ярко-зеленые глаза и в ночи испускали тонкие лучики. Она сказала:

– Сейчас мы войдем в храм, и, если ты не задрожешь от страха, я покажу тебе дух святой Ольги.

– Как можно, – возразила Анна, – ведовство в храме – смертный грех. И добром прошу: оставь меня в покое.

– То не ведовство, а все в согласии духом твоей прапрабабушки. И на грех я тебя не толкаю.

– Не смущай, Настена. Не было у нас в роду таких, кто бы вызывал дух предков. Я лучше уйду, – сопротивлялась Анна.

– От меня тебе не уйти. Я твоя судьбоносица и тень твоя. И о том сказано в священных писаниях.

– Как смеешь, дерзкая! Ничего подобного там не может быть написано. И моей судьбоносицей тебе не быть. И ежели в храме дух святой Ольги, то я увижу его без тебя! – И Анна побежала к церкви.

Настена поспешила следом. Она что-то шептала, и было похоже, будто наставляла Анну. В воздухе шелестело: «Иди вправо, теперь прямо, там малая дверь, потяни сильно, открой, входи в храм».

– Ой, верховодит она мной! – воскликнула Анна, но послушно шла по пути, который указывала Настена.

Анна нашла малую дверь, с силой потянула ее и шагнула за порог, словно в черную яму. Ей стало страшно оттого, что подвинулась на богохульство. Нет у нее права вызывать дух святой Ольги. Сие дано лишь Божиим людям. «Господи, что скажет батюшка, когда узнает о моей бездумной вольности!» – воскликнула в душе Анна и привалилась к стене, почувствовав слабость и дрожь во всем теле. Простояв так с минуту, она сочла, что нужно покинуть храм. Но ноги не слушали. Анна стукнула кулачком по стене и снова попыталась выйти из церкви, но напрасно. Однако страх прошел, потому что в этот миг к ней прильнула Настена.

– Идем к амвону, – тихо сказала она и, взяв Анну за руку, повела ее в глубь храма.

Они вышли из придела на освещенное двумя лампадами место. Княжна увидела в свете лампад лик Божьей Матери, поспешила к нему и, опустившись на колени, взмолилась:

– Пресвятая Богородица, помилуй меня, заблудшую, за помыслы грешные. Да, обуреваемая гордыней, хочу увидеть святую Ольгу, мою древнюю бабушку. Но сие желание греховно. Наставь меня на путь истинный, милосердная...

Настена перебила Анну:

– Твое желание священо, сказала мне о том Богородица. Следи за мной, не спуская глаз.

Настена плавно подошла к иконе Божьей Матери, вознесла руки над лампадой, горящей близ образа, и пошевелила ими, словно что-то стряхивая с ладоней. Прошептала:

– Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, исполни просьбу Настены, яви дух равноапостольной великой княгини Ольги ее праправнучке, дочери великого князя Ярослава.

С этим словами Настена отошла от иконы, опустилась на колени, перекрестилась трижды и замерла, сложив на груди руки.

Княжна Анна смотрела на Настену во все глаза. Но она вдруг исчезла, а на том месте возникло белое облачко, и из него шагнула навстречу княжне сама великая княгиня Ольга. На ней была пурпурная мантия, в которой она стояла на крепостной стене во время осады Киева. Мантия во многих местах была пробита стрелами, опалена огнем. Анна об этом знала из рассказов отца. На голове Ольги сияла золотая корона, лицо великой княгини было кротким, немного бледным, голубые глаза светились ласково. Она сказала приветливо:

– Анна-благодать, Анастасия-утешительница, тебе моя воля на все богоугодные дела. Аминь.

И святая Ольга прикоснулась рукой к голове княжны-праправнучки. Рука была теплая, мягкая. Анна почувствовала головокружение и закрыла на миг глаза, когда же открыла их, то увидела, что святая Ольга уходит в алтарь. Мелькнула в царских вратах пурпурная мантия, и видение исчезло. С минуту Анна еще стояла на коленях в ожидании, что чудо повторится. Но из алтаря на нее подул легкий ветерок, голова княжны прояснилась, она поднялась на ноги и тем же путем ушла из храма. О Настене она забыла, словно та и не появлялась в ее судьбе. Княжна вернулась в терем, без помех прошла в опочивальню, забыв скинуть сарафан, упала на постель и мгновенно уснула.

Утром Анна проснулась через силу. Она долго пребывала в дреме, не открывала глаза. Ей никак не удавалось зацепиться мыслью за явь минувшего хождения в церковь. Да, она видела некие сны, но они не оживали в картины, и она не могла сказать себе, что была в храме, что лицезрела святую Ольгу. Вспомнила лишь одно: когда ложилась спать, на ней был сарафан поверх ночной рубашки. Чтобы убедиться в этом, княжна откинула одеяло – на ней не было никакого сарафана. И она подумала: «Наваждение одно нашло на меня». Однако постепенно ночная явь ожила, она увидела себя в ночном храме, увидела святую Ольгу. Но сомнения были так велики, что все это Анна приняла за сказочный сон. «А ежели бы не так, то на мне был бы сарафан», – утвердилась она в одном.

И за весь день, который Анна провела в тереме, изнывая от безделья близ скучных сварливых мамок, ее никто не разубедил в том, что минувшей ночью к ней приходил не сон, а свершилась явь. К тому же Анна ощущала недовольство собой, будто сделала что-то плохое. Закрывая глаза, она «видела» неясные очертания человека, но не могла вспомнить, кто это. Анна напрочь забыла о Настене. Выветрилось из памяти даже то, о чем разговаривала с «курочкой-рябой» накануне в храме днем. «У меня не голова, а тюфяк с соломой», – сетовала Анна.

Однако «курочка-ряба» не забыла княжну. Да и не могла забыть, потому как истинно Провидением Господним ей суждено было стать при Анне судьбоносицей до исхода земного, взаимного. Настена знала сие. Выросшая без матушки и батюшки, кои вот уже много лет как покинули ее: матушка умерла, а батюшка – рыжий Серафим – служил князю Мстиславу и строил в Тмутаракани храм Богоматери, и воспитанная дедом Афиногеном книжно и письменно, Настена тайно познала греческие законы белой магии. Как это далось отроковице, лишь Господу Богу ведомо да ей, потому как никто из берестовчан не подозревал о тайной силе Настены. В селе любили ее, и все берестовские отроковицы и отроки дружили с нею. Она была добрая, отзывчивая и очень смелая. Подростки никогда не ходили без нее в лес по грибы или ягоды. Тайная жизнь Настены началась около года назад, со Дня Святого Духа. В тот день после вечерни, лишь только певчие завершили канон: «Иже в видении огненных язык...» – Настена спряталась в ризнице. Батюшка Афиноген покликнул ее да и махнул рукой: «Где-то куролесит». А когда верующие покинули храм и Афиноген закрыл его, Настена вышла из ризницы и опустилась на колени перед образом Софии Премудрости. Эту икону в Берестове чтили превыше многих иных. С малых лет берестовчане знали, что икону Софии Премудрости привезла из

Византии сама великая княгиня Ольга, как и многие другие иконы, что заняли достойное место в двух берестовских храмах.

– Святая София, к тебе припадаю я, в грехах утонувшая, – произнесла Настена, как искусенная жизнью женщина. – Я дерзнула ступить за грань дозволенного смертным христианам и проникла в тайны белой магии. Как мне искупить сей грех, милосердная?

И Настена упала на каменную плиту. Она лежала долго, боясь поднять лицо, дабы не сгореть от взора прогневанной Софии.

Ан нет. Премудрая не сожгла лежащую ниц с покаянием. Подул легкий ветерок, зашелетели одежды святой Софии, и Настена почувствовала прикосновение теплой руки.

– Всевышнему ведомо твое движение. И Он допустил его, нарекая тебя судьбоносицей того, кто явится в Берестово с твоим именем, – произнесла Святая Дева.

Настена испугалась: София Премудрость обрекала ее на служение неведомо кому. Отроковица не взбунтовалась, но с мольбою подняла глаза на Святую Деву. София поняла ее душевную боль, произнесла:

– Да останешься ты сама собой. Так сказано в скрижалях Вседержителем. Аминь. – И образ Софии вознесся под купол храма.

– Господи, Премудрая, но как я открою того, кому мне служить судьбоносицей завещано?

Ответа не последовала. Настена тяжело поднялась на ноги и, не помня как, покинула храм. Дед Афиноген водил ее к причастию, побуждал к исповеди, говорил ей: «Очисти душу в покаянии, внученька». Но Настена оставалась молчалива, как рыба. Дни превратились в ожидание, томительное и долгое. И чувство страха в душе не исчезало. А вдруг ей суждено стать поводом сирого и убогого существа? И имя ее пугало. Получалось, что служить ей придется какой-то Анастасии. Однако проходили недели, месяцы, а с именем Настены никто в Берестове не появлялся. Отроковица вновь стала самой собой, как было ей заповедано.

Приезд княжны Анны в Берестово не вызвал поначалу у Настены никаких чувств. Она даже посмеивалась над приезжей «цацкой», которую за ручки водили по селу две пыхтевшие от одышки мамки. Но душа призывала Настену присматриваться к юной княжне. И однажды в груди Настены прозвучало: «Ты ее судьбоносица!» – «Ан нет, – возразила упрямица, – она же не Анастасия!» – «Ищи и найдешь!» – было сказано загадочно. Настена, однако, поняла суть загадки и побежала искать. Увидев священника Афиногена, спросила:

– Дедушка, как звать княжну Ярославову?

– Нарекли в рождении Анной.

Настена надула губы. Афиноген заметил сие:

– Чем смущена, внученька? Аннушка – хорошее имя.

– Ничего меня не смутило, а спросила я просто так. Не кричать же ей: «Эй, рыбка, скажи слово!» – ответила Настена и хотела уйти.

Дед задержал ее:

– Ведомо мне, что ты ищешь. Слушай же. Великая княгиня Ирина вот уже шестое дитя рождает у нас в Берестове. Лучшей повитухи, чем ваша Филофея боголюбивая, на Руси не сыщешь. И Анна на свет божий появилась здесь.

– А как ее в крещении назвали? – нетерпеливо спросила Настена.

Дед словно бы и не слышал вопроса внучки, говорил свое:

– Ты же появилась на свет в один день и час с княжной. Твои матушка и батюшка назвали тебя Анастасией. А как крестили, то Матерь Божия побудила наречь тебя Анной.

– Господи, дедушка, а как княжну назвали в крещении? – вновь нетерпеливо спросила Настена.

– Эко, право, дитя недогадливое! Я же изрек тебе, что Анастасией, – почему-то слукавил Афиноген.

– Прости, деда, я ослышалась.

– Бог простит, внученька.

Но Настена уже не слушала его. Она убежала из храма, белкой взлетела по сучьям на старый дуб и спряталась в его густой кроне. Ей было над чем подумать. Нет, не хотела она стать чьей-то тенью, и уж тем более княжны Анны. Однако Настена понимала, что свою судьбу ни пешком не обойдешь, ни на коне не объедешь. Она спустилась с дуба и отправилась искать Анну. Судьба свела ее и княжну в храме. Но странным показалось Настене поведение Анны после того, как она открыла княжне дух великой княгини Ольги. «Может, поторопилась я, назвав этой надутой утке себя ее судьбоносицей. Вот уж, право, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь», – корила себя Настена. Теперь, похоже, Анна избегала ее и никак не хотела замечать, даже если Настена стояла передней нос к носу. Наконец она не стерпела такой обиды и спросила Анну, когда встретила ее у храма:

– Княжна Ярославна, что же, ты не узнаешь меня?

Но Анна, побуждаемая некоей темной силой, даже не взглянула на Настену и прошла мимо. И спроси ее в сей миг даже батюшка, что с нею происходит, она бы не нашла ответа.

Промаявшись два дня в тумане чувств и памяти, Анна наконец ощутила жажду освободиться от терема и мамок и побродить по улицам села одной. И в синих сумерках июньской благодати она убежала тайком на сельскую площадь, где собрались берестовские подростки, парни, девушки. Появление княжны никого не смутило. К ней подбежала Настена, спросила:

– Ты пойдешь с нами в хоровод?

И тут Анна вспомнила все, что случилось с нею в ночном храме два дня назад. И чтобы поверить в то окончательно, Анна взяла за руку Настену. Рука была прохладная, как и ночью, крепкая и не по-девчоночьи сильная – та самая рука, коя вела ее по храму. Анне стало легко и радостно. А Настена уже поставила Анну в круг сверстниц и сверстников. Княжну взял за руку отрок лет тринадцати, и Настена повела хоровод. Парни заиграли на свирелях, и девушки в лад со свирелями завели хороводную песню. Анна окунулась в мир неведомого ей сельского веселья. Она тоже что-то пела и радостно прыгала. И все у нее получалось, как у Настены. А та не спускала глаз с Анны и улыбалась.

– Как жаль, что ты опоздала к нам на праздник Ивана Купалы. Там был костер, и мы прыгали через огонь...

Неожиданно в хороводе возникло волнение, будто подул холодный ветер. В это время на площади появились боярыни Степанида и Феофила. Увидев свое «дитя» в кругу деревенских парней и девиц, они пришли в ужас. Степанида, более легкая на ногу, попыталась догнать Анну и вытащить ее из хоровода, но ей это не удавалось. Всякий раз, когда боярыня приближалась к княжне, ей что-то попадалось под ноги, она спотыкалась и падала. И площадь взрывалась беззаботным смехом. Анна и Настена тоже вольно смеялись. Но на пути хоровода встала Феофила и остановила его своими телесами. Степанида ухватила Анну за руку и вытянула ее из круга.

– Именем батюшки, я замкну тебя завтра в тереме! – крикнула злая боярыня. – Держи ее крепче, Феофила!

И две боярыни повели сторающую от стыда Анну с площади. Она не сопротивлялась, но в груди у нее бушевал вулкан возмущения. А на другой день, вскоре же после утренней трапезы, Анна, пренебрегая недовольными лицами боярынь, собралась гулять. Боярыни заслонили ей дверь.

– Никуда не пойдешь. Велено тебя держать в строгости! Зачем батюшке перечить?! – распалась Степанида.

И тут княжна показала мамкам-боярыням свой истинный твердый нрав. Глаза у Анны были холодные и пугающие.

– Ни батюшке, ни матушке я не перечу! Но вашей воле не быть выше моей! Прочь с дороги!

Степанида и Феофила онемели и смотрели на Анну с великим страхом. Едва шевеля ногами, они отступили от двери.

– Что же это будет отныне? – наконец произнесла Степанида. – Да батюшка-князь нас в батоги возьмет за такую поблажку тебе!

– И поделом, ежели мне встречь⁶ пойдете... Что это выдумали сверх даденного вам брать?

Анне было жалко своих мамок: им достанется от батюшки за ее вольности. «Да что поде-лаешь, ежели я хочу воли?» – мелькнуло у Анны.

Они же попросили ее об одном: чтобы берегла себя.

– Пожалей наши бедные головушки. Случится какая беда с тобой, нам не сносить их.

– За доброе радение я вас оберегу, – пообещала княжна и покинула терем.

Но, обрета волю, юная княжна несла ее бережно. Да и Настена, с которой теперь Анна не разлучалась, не толкала, не увлекала ее на лихие проделки. Княжна и внучка Афиногена жили в эти летние месяцы теми же заботами, кои составляли быт деревенских детей. На свежем воздухе, под щедрым летним солнцем, в посильном труде, коим Анна занималась вместе с Настеной в саду священника Афиногена, еще в хождении в лес за ягодами и грибами, Анна и Настена выросли, тянулись к солнцу и расцветали, как цветы мальвы, – чем выше, тем краше.

Однако вскоре вольной сельской жизни пришел конец. И Анна все чаще жалела о том, что так быстро пролетело лето. Близился новый год. Из Киева примчал гонец с повелением великого князя: быть Анне в стольном граде к первому сентября⁷. Анна загрустила, ей не хотелось в Киев, она не представляла себе, как будет жить без Настены. Подружка Анны тоже страдала от предстоящей разлуки. Где-то в глубине души Настена верила, что расставания не будет, ежели она исполнит то, что должно исполнить. Ей надо было лишь решиться приподнять завесу будущего княжны. И как-то под вечер, когда они сидели под соснами на берегу берестовского пруда, Настена загадочно сказала:

– Ты не печалься, наша разлука будет короткой, всего одну нынешнюю ноченьку. А чтобы тебе было что вспомнить ночью, пока не сморит сон, я покажу тебе то, чему ты порадуешься. – И Настена побежала к воде. Остановившись у самой кромки пруда, она тихо произнесла: – Матушка София Премудрость, твоим повелением открываю полог в будущее княжны Анастасии. Яви ей, Премудрая, то, что предписано в книге судеб. Да прости меня, грешную, за дерзновение.

Прозрачная и тихая вода в пруду была живая от многих родников. Закатное солнце золотило ее. С противоположного берега в пруду отражался купол храма. Он был похож на царскую корону. Настена склонилась к воде и, плавно разведя ее руками, позвала княжну:

– Дочь великого князя Ярослава Мудрого, в крещении княжна Анастасия, подойди ко мне степенно и все, что увидишь в глубинах вод, не отрицай.

Нехотя поднявшись с травы, Анна спускалась к пруду медленно, думая при этом, что неутомонная Настена увидела какую-нибудь ракушку.

– Ну что там? – спросила княжна, склоняясь к игравшей золотыми бликами воде.

И обомлела. Хотела что-то крикнуть Настене, но язык не слушался. В водной глади она увидела свое отражение, но там стояла во весь рост не Анна-отроковица, а молодая красивая женщина в пурпурной мантии и с королевским венцом на голове. По телу Анны пробежал трепет. Она зажмурилась, надеясь, что видение исчезнет. Ан нет, когда открыла глаза, то узрела другие образы. Впереди нее стояли два мальчика и красивая девочка, а справа от Анны, судя по обличью, возвышался король. Да так оно и было, потому как он держал золотую корону в руках, которую и надел. Анна отступила от воды, строго посмотрела на «куролесицу».

---

⁶ Встречь – здесь против.

⁷ Первое сентября – на Руси до 1700 г. новый год начинался с 1 марта, затем с 1 сентября.

– Откуда сие и что это? – спросила княжна. На ее лице вместо радости и удивления отразились недоумение и страх.

Настена же беззаботно и весело засмеялась:

– Господи, да утихомирься же! Просто мы заглянули за окоем. И все, что ты видела, это твое, чего не миновать. – Настена усадила Анну на траву и погладила ее по спине. – Тебе бы радоваться, а ты...

– Но там я увидела королевскую семью! Почему?

– Так и будет. – И хотя Настена говорила весело, но зеленые глаза ее были строгие и словно повелевали Анне поверить во все, что та увидела. – Так все и будет, Анастасия, – повторила Настена, выделив имя Анны в крещении.

Однако дух Анны сопротивлялся. В груди у нее звенело: «Того не может быть! Того никогда не будет!» И она крикнула:

– Ой, куролесица, я бы отлупила тебя за худые вольности!

Глаза Настены оставались пронзительными, но она продолжала весело пояснять:

– Полно, Аннушка, я ведь не по своей воле заглядывала за твой окоем. Я еще не знаю, в какой державе ты будешь королевой, но быть тебе ею неизбежно, как то, что завтра наступит новый день.

– Ты меня пугаешь!

– Ой, Ярославна, ты не из пугливых.

– Да уж подальше бы держаться не мешало, – с грустью твердила Анна.

– И этого не делай. Нам с тобой идти по жизни до исхода.

Подруги посидели молча. Настена прижалась к плечу Анны, и княжна успокоилась, миролюбиво сказала:

– Ладно, чему быть, того не миновать.

– Ты становишься мудрой, – засмеялась Настена, освободившись наконец от нервного напряжения.

Она встала, подала руку Анне:

– Пора и нам. Солнышко спать отправляется.

Настена и Анна покидали берег пруда задумчивые. Судьбоносица была довольна тем, что открыла Анне ее будущее. Княжна, однако, досадовала, потому что в ее беззаботный отроческий мир влилось нечто новое и вовсе не желанное.

Наутро селяне провожали княжну Анну в Киев. Настена стояла рядом с тиуном Данилой и священниками Афиногеном и Илларионом, за ними стояли бабки Настены, а сбоку справа, слева – все берестовские. Анна уже простилась с Настеной, проговорила:

– Жди гонца, примчит за тобой. – Но Анне показалось, что Настена не слышит ее, и лица не поднимала, смотрела в землю. – Я же сказала: жди гонца! – повторила громко Анна и хотела было уйти, но поняла, что не сможет. Боль в груди разлилась, на глаза навернулись слезы, рука сама потянулась к Настене, ухватила за запястье ее руки, слова нужные пришли: – Батюшка Данила, батюшка Афиноген, именам великого князя, моего батюшки, быть отныне Настене неразлучно со мной! И не судите нас.

После этих слов, прозвучавших твердо и властно, ни у тиуна Данилы, ни у священника Афиногена, ни у мамок-боярынь Степаниды и Феофилы не нашлось ни слова возражения. Все они поняли, что сказанному княжной Анной перечить нельзя. И за всех ответил тиун Данила:

– Воля твоя, матушка-княжна.

– Аминь, – добавил священник Афиноген и осенил княжну и внуку крестным знаменем.

Княжна Анна усадила Настену в возок рядом с собой, боярынь отправила в другой возок. И вскоре берестовчане проводили за околицу села возки с отъезжающими и десять конных воинов. Еще и ворота не успели закрыться, как киевские гости скрылись на лесной дороге.

Глава вторая

Битва с печенегами

Было жаркое лето 1036 года от Рождества Христова. К стольному граду Руси приближалась беда. С южных рубежей на княжеское подворье примчались вестники и упали от усталости возле красного крыльца. Их было трое. Двое по обличью воины: с мечами, в кольчугах и шлемах, а третий, изможденный, загоревший на солнце до черноты, был черниговским горожанином, захваченным три года назад печенегами в полон. Эти годы он пас табуны лошадей у князя Тутура. Нынешним же летом табуны паслись довольно близко от рубежей. Черниговец понял, что сие не случайно, и отважился убежать, дабы предупредить русичей о набеге печенегов. В степи у Дона ему удалось встретить русский дозор и поведать о том, что печенеги готовятся к большому военному походу на Русь.

К крыльцу сбежались придворные. Вестников окатили холодной водой, напоили, и они пришли в себя. Увидев великую княгиню, коя вышла из терема, старший из них, крепкий рыжебородый воин Улеб, сказал, что печенеги от Дона до Днепра и дальше на восход солнца собирают силы для похода на Киев.

– Вот с нами полонянин-черниговец Мешко, убежавший из вражьего стана. Так он говорит, что всюду по степи скачут сеунщики⁸, созывают на совет к большому князю Родionу старейшин родов. И его князь Тутур отправился на главное стойбище.

Выслушав суровую весть, великая княгиня Ирина спросила Улеба:

– И когда же выступят в поход?

– Вот черниговец Мешко лучше об этом расскажет, – ответил Улеб.

– Целуй крест, Мешко, и говори правду, – промолвила княгиня Ирина. – Я ведь знаю, что враги и лжецов посылают на нашу землю, чтобы с толку сбить.

Мешко шагнул поближе к великой княгине, опустился на одно колено и поцеловал протянутый ему крест:

– Клянусь памятью батюшки и матушки, павших от рук печенегов, что изреку только правду. В прошлом году они собирались в большой поход на болгар пятнадцать ден. Так, поди, и ноне будет.

– Я верю тебе, Мешко. И дай-то Бог, чтобы раньше не собрались. – Княгиня повернулась к придворным боярам: – Я думаю, успеем оповестить батюшку Ярослава, дабы подоспел врагов встретить.

– Успеет, матушка, – ответил Ирине старый Якуб Короб. – Токмо гонцов надо бывалых послать да сменных коней им дать.

И все-таки эта весть вызвала у придворных великого князя смятение. Никто не знал, какими силами защищать город от степняков, ежели они придут раньше, чем сказал черниговец Мешко. Сам Ярослав с большой дружиной ушел далеко на запад, чтобы урезонить мазовшан. Оттуда его путь лежал к Балтийскому морю: там пошли в бунт данники литовцы и ятвяги. Заодно ему нужно было посадить на удел в Новгороде своего старшего сына, князя Владимира. Не было в Киеве и храброго воеводы Глеба Вышаты. Он ушел с малой дружиной в Тмутаракань, которая после смерти брата Ярослава, князя Мстислава, вновь вошла со всеми землями восточнее Днепра в единую Русь.

Среди членов великокняжеской семьи старшими в Киеве оставались княгиня Ирина и ее дочь княжна Елизавета. Эти мужественные женщины, не сомневаясь ни в чем, взяли на себя заботу и бремя защиты города от печенегов. При дворе великого князя в эту пору находился

---

⁸ Сеунщик – гонец, вестник.

с полусотней воинов норвежский принц Гаральд. Елизавета знала, что отважный варяг пылко и преданно любит ее и ради этой любви готов на любые подвиги. Тут же на дворе Елизавета сказала великой княгине:

- Матушка, я сей же миг попрошу принца Гаральда мчать в Новгород за батюшкой.
- Я благословляю его, – промолвила Ирина.

Принц Гаральд выслушал свою прекрасную принцессу с радостной улыбкой и ответил с поклоном:

– Я готов мчаться хоть на край света. Но позволь, моя королева, остаться в Киеве и защищать тебя.

Елизавета тоже любила Гаральда, и ее выразительные глаза смотрели на него с нежностью. Но, будучи человеком твердого нрава, она отказала витязю:

- Нет, принц Гаральд, исполни все же нашу с матушкой просьбу. Только на тебя мы можем положиться, что мой батюшка вовремя придет к Киеву.
- Я все понимаю, моя королева, и исполню, как сказано.

Гаральд приложил руку к сердцу и поспешил в воеводские палаты собираться в дальний путь.

В этот же час княгиня Ирина отправила трех воинов вслед воеводе Глебу Вышате. Да не медля она созвала совет городских старейшин-старцев градских. Знала она, что многие из них – бывалые воины и воеводы – били печенегов еще в княжение Владимира Красное Солнышко. Старцы собрались в гриднице скоро. И сказал в ответ великой княгине боярин Стемид Большой, ходивший при князе Владимире в Царьград:

– Стояли мы в Белгороде против печенегов, когда князь-батюшка Володимир в Новгород ушел. Тако же было – помощи ниоткуда. Ан выстояли. И жарынь была такая, и брашном⁹ оскудели. И ноне выстоим, ежели киян на стены позовем да из ближних селений старых ратников соберем, смердов кликнем.

И славный Путята, боярин и воевода, свое мудрое слово сказал:

– Токмо не мешкая нужно припас в городе пополнить, брашно свезти в стольный град со всей ближней земли, животине корма запасти, о воде позаботиться. Тут мелочей нет, все важно.

Княгиня Ирина, крепкая северянка, обликом похожая на воина, слушала старцев внимательно, каждому их слову давала свою цену и уже готова была распоряжаться по их советам. Но не только великая княгиня слушала старцев. Позади трона, на коем сидела Ирина, стояли ее сыновья и дочери, придворные бояре. И среди них самой внимательной была княжна Анна. Она ловила каждое слово старцев, и делала сие не праздно. Особую цену она придавала речи воеводы Путяты. Он же говорил:

– Вели, княгиня-матушка, горожанам сегодня же носить на стены камни с днепровских берегов и с речки Почайны. Вели смолу свозить, что есть в округе. Еще жерди-слегу в лесу рубить, запас их в дело привести – и все на стены. Воду чтобы в чаны запасли на каждом подворье. Да чтобы о прохладе люди забыли, жарко, рьяно все исполняли.

И княжна Анна сообразила, что и для нее есть место среди защитников города. И не только для нее. В Киеве много отроков и отроковиц ее возраста. Она позовет их и нынче же поведет на берег Днепра собирать камни, носить их на стены. А придет час, и вместе со сверстниками пойдет охотиться за горящими стрелами, кои печенеги горазды пускать при осаде городов. Путята и об этом предупреждал. Душа Анны уже горела жаждой действия.

Княжна поискала Настену. Но ее ни в гриднице, ни на дворе не было. «Куда ее нелегкая унесла?» – возмущалась Анна. В последнее время Анне с Настеной было нелегко. Та стала вдруг какая-то своенравная, упрямая, все делает по-своему. Вчера сказала, что пойдет в Деся-

---

⁹ Брашно – еда, кушанье, яства.

тинную церковь, в книжный покой. Поди, там корпит над книгами, а она весьма нужна здесь. И Анна отправилась за Настеной в храм. Год назад Анне не без труда удалось упросить батюшку оставить Настену в Киеве при дворе.

– Кем она для тебя будет? – спрашивал князь Ярослав дочь.

– Никем, батюшка. Просто мы с ней по нраву сошлись. Она мне товарка, и мы с ней как сестры.

– Того не должно быть. Ежели останется дворовой девкой, пригрею. А по-иному не быть. Пусть в Берестово отправляется.

– Нет, батюшка, мне не нужна такая Настена.

– Вот и я о том.

– Но и в Берестово я не отпущу ее.

– Опять ты батюшке перечишь, – посуровел Ярослав.

– Да не перечу я, батюшка любый. Она мне ой как по душе. И оставь ее при мне товаркой.

– Нет такого чина в домашнем обиходе.

Анна могла бы убедить отца оставить при ней Настену как товарку, рассказав о ней правду. Даже строгий Ярослав не дерзнул бы лишать дочь Настены, скажи Анна: «Да, батюшка, Настена несет мою судьбу. Сие открыла мне София Премудрость». Но Анна не могла выдать эту тайну. Княжна и Настена скрепили ее целованием креста пред ликом Божьей Матери. Они поклялись нести заветное в себе до конца дней своих. И все-таки Анна нашла ключ к сердцу отца.

– Батюшка, Настена книжна и письменна в чужой речи. Она читала мне греческие писания и толковала их. – Анна немного преувеличивала, но малая ложь во спасение товарки, как сочла княжна, не грех. – И пусть она станет при мне поводырем в книжной мудрости.

Ярослав был покорен доводом дочери. Сам почитающий книжную премудрость превыше всего, он охотно согласился с дочерью. И Настене определили при княжне место книжного поводыря. Однако Ярослав, будучи дотошным, спросил Анну:

– А тебе, родимая, книжность легко дается?

– Да, батюшка. Она укладывается во мне, как вишня в кузовке.

– Ну говори.

Анна лишь на миг подняла глаза к расписанному узорами потолку и словно увидела там письмена. На лице ее вспыхнул румянец, она заволновалась, но прочитала их твердо и звонко:

– «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих тварей, и говорил им: написано: „Дом Мой домом молитвы наречется“; а вы сделали его вертепом разбойников».

Ярослав слушал Анну внимательно и улыбнулся: дочь допустила ошибку. Сказано у Матфея: когда Господь прогнал торжников из храма, то он изгонял продающих голубей, но не тварей. Однако Ярослав не поправил дочь, он согласился с тем, как она увидела деяния Христа. Лишь промолвил:

– Покажи мне свою товарку Настену.

– Спасибо, батюшка. Я так ждала этого часа. Ноне же и приведу. Да уж не испугай ее грозными очами, родимый.

– Или из робких она? Я таких не люблю.

– Ой нет, батюшка. Она куролесица... – И тут же Анна спохватилась, поняла, что лишнее у нее выпорхнуло, поправилась: – Боевитая она, Настена, батюшка.

Слово, которое обронила Анна, понравилось князю. Улыбаясь, он сказал:

– Куролесица – это хорошо. В дрему тебе не даст впадать.

Внучка священника Афиногена из Берестова пришлась великому князю по душе. Он относился к ней ласково, ценил за то, что она переняла от деда предание о великой княгине Ольге и хранила его. В эту же осень, как Настена появилась в княжеских теремах, Ярослав

определил ее и Анну постигать книжную и письменную премудрость. Вскоре же при Десятинной церкви открыл школу и туда кроме княжеских и боярских детей отправил учиться многих отроков простых горожан. А из великокняжеской семьи помимо Анны встали на учебу князь Владимир, Елизавета, княжичи-отроки Всеволод, Изяслав и Святослав. Ярослав позвал из Византии священников и ученых мужей, поручил им учить русичей всему тому, что они знали. Он хотел, чтобы на Руси появились свои ученые священнослужители. Никому он не открывал своих замыслов, кои сводились к тому, чтобы русская православная церковь не была зависима от византийских священников и архиереев.

Ярослав нередко проверял, чего добились его дети в науках. К среднему сыну Всеволоду у отца никогда не находилось упреков. Уже через год тот разговаривал и читал по-гречески, а спустя еще полгода овладел латынью. Ему легко далась норвежская, матушкина речь. Правда, княгиня Ирина сумела привить любовь к ее родному языку всем своим детям.

Зимними вечерами Ярославичи сходились в палату, где отец хранил книги. Горели свечи, в очаге пылал огонь. Пока отца не было, дети шумели, играли. Владимир и Елизавета пытались утихомирить их, но куда там! Однако как только появлялся Ярослав, дети садились к столу и, волнуясь, ждали, с кого батюшка начнет опрос. Да больше всего в такие вечера доставалось Анне. Ярослав знал, что она, как и Всеволод, очень сильна в памяти, и часто говорил ей:

– Моя Аннушка, порадуй нас словом из Священного Писания. Вспомни, как протекали дни молодого Иисуса Христа, Спасителя нашего. Не забывай дать цену каждому его подвигу.

– Хорошо, батюшка, – отвечала Анна, вставая. – Да не суди строго, ежели я расскажу, что случилось с Иисусом Христом, когда ему было столько же лет, сколько и мне.

– Ну попробуй. Только не искази истины, – предупредил Ярослав.

Анна согласно покачала головой, задумалась, обвела взором всех сидящих и остановилась на любимом брате Владимире. И было похоже, что она только ему рассказывала о сокровенном:

– «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем. Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они так же по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Мать Его, но думали, что Он идет с другими. Прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми; и не нашедши Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его». – Анна замолчала. Ей нужно было высветить товарку, и она посмотрела в конец палаты, увидела Настену и сказала: – Батюшка, мы с Настеной дали обет отвечать урок пополам. Позволь же ей молвить свое слово.

– Ишь как срослись, – удивился Ярослав. – Эй, Настена, говори, да чисто: мне не слукавишь.

Настена встала, в глазах горение, лучики от него улетаели к князю Ярославу, он чувствовал их тепло, дивился: «Эко, полна загадок сия малая дева!» А голос Настены, мягкий, завораживающий, уже звучал, достигая тайников души слушающих:

– «И увидевши Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! Что Ты сделал с нами? вот отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов».

– И я бы не понял, – заметил Ярослав. – Луке-апостолу должно было сказать: «Отцу Моему Всевышнему».

Настена склонила голову в знак согласия и, вскинув лучистые глаза к потолку, дочитала стих:

– «И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Мать Его сохраняла все слова сии в сердце своем. Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков».

Исполнив свой урок, Настена склонила голову вновь и ждала с волнением слова великого князя. Но ни Ярослав, ни его дети не хотели нарушать покой, навешанный Божественным Писанием. Они знали, что впереди у них много подобных уроков и каждому будет время показать свое прилежание.

Два года учебы в Десятинной-Богородичной церкви пролетели незаметно. Теперь Анна вольно читала греческие книги, разговаривала по-латыни, писала славянской кириллицей.

Прибежав к Десятинному храму на площадь, Анна увидела близ паперти Настену. Когда сошлись, спросила:

– Ты где была?

– Бегала на Подол. Там тьма народу, все знают о степняках, а ничего не делают.

– Идем! Соберем отроков и отроковиц, скажем, что делать.

И Анна побежала на Подол. Настена не отставала. Сказала в пути:

– Слышала, что боярин Путята дал разумные советы. И потому ты хочешь позвать киян носить на стены камни, не так ли?

– Так.

– Тогда и учеников наших должно собрать.

– Ты верно говоришь. Да всех позовем, кто не немощен.

На Подоле, близ Иоанновой церкви, уже сошлось сотни три горожан. Они сбежались, опаленные вестью о скором нашествии печенегов. Страсти на площади кипели. Но многие смурные горожане толпились кучками, о чем-то говорили да больше разводили руками. Все переживали, что в стольном граде нет дружины, нет великого князя.

– А кто без них прогонит поганых? – тут и там гулял один и тот же вопрос в оставался без ответа.

Анна и Настена любовались толпой горюнов недолго. Они увидели своих сотоварищей по школе, других городских отроков, табунившихся возле взрослых, и позвали всех за ограду храма. А как собралось не меньше сотни, Анна поднялась на валун и громко произнесла:

– Слушайте, кияне! Зову вас к радению!¹⁰ Идите в толпу, бегите по городу до посадов, зовите всех отроков и отроковиц к Иоанновскому храму. Буду говорить с ними и с вами!

Не вымолвив в ответ ни слова, отроки убежали исполнять волю Анны. Лишь только они исчезли, Настена позвала княжну в храм.

– Предание о святой Ольге живо в киянах, – сказала она по пути, – потому как свершенное ею нельзя забыть. Сейчас ты увидишь, как великая княгиня защищала Киев от печенегов, как выстояла. А ратников при ней была только тысяча.

Анну взяла оторопь: «Господи, опять она чудодейничает. Не во грех ли вводит себя и меня?» – но не подвергла сомнению силу Настены, послушно вошла в храм и следом за нею подошла к большой иконе, на которой во весь рост была изображена святая Ольга. Говорил батюшка, что эту икону писали в Киеве лучшие греческие иконописцы вскоре же после исхода великой княгини. Она была в окружении множества воинов и стояла на крепостной стене. Руки она вскинула вверх, и перед нею остановился рой летевших в Ольгу стрел. За стенами крепости виднелась печенежская орда, и все воины целились в Ольгу.

Настена сняла с головы платок и накрыла им Анну, оставив открытыми лишь глаза. И напыл туман, а как рассеялся, Анна увидела живую картину осады печенегами Киева. Их тьма – конных и пеших. Они пускали стрелы, лезли по лестницам на стены, женщины лили на них кипяток, смолу, отроки и отроковицы подносили камни. И над всеми, в пурпурной

---

¹⁰ Радение – усердие, старание.

мантии, стояла Ольга. В нее летели тучи стрел, но не касались ее. Летели и в город горящие стрелы. Но всюду горожане хватали огненных ос и бросали их в чаны с водой. Но вот Анна увидела убегающих печенегов, услышала трубный глас боевых рогов, и появились лавины русских воинов. Она затрепетала от волнения. Ей показалось, что и она вместе с ратниками мчит на врагов. Княжна закричала: «Вперед, вперед, русичи!»

В этот миг Настена медленно сняла с Анны платок, и видение исчезло. Перед глазами отроковиц вновь сверкал лишь образ святой Ольги.

– Так было, и так должно быть. Мы не отдадим стольный град печенегам, – тихо сказала Настена.

– Спасибо, мой ангел. – Анна прижала Настену к себе. – А теперь за дело. Мы всех взбудоражим!

Они вышли из храма. Взволнованные, горящие жаждой поскорее взяться за военные дела, появились на церковном дворе. Махая рукой, Анна привлекла к себе внимание. В ограде уже собралось больше двух сотен подростков, и с каждой минутой они прибывали. Анна и Настена остановились на паперти храма и увидели немало людей на площади. Многие горожане подошли к ограде церкви, ждали, что им доведется увидеть и услышать. Анну не смущало присутствие взрослых горожан. Она уже понимала свое назначение и знала, что у нее есть право на власть. Она относилась к ней бережно, дабы не огорчить батюшку, не пойти ему наперекор. Но там, где эта власть шла на пользу Руси, Анна сумела дать ей ход. И когда церковный двор заполнили не только подростки, но и взрослые, княжна подняла руку, как это делал отец, и сказала те же самые слова, с которых начинал свои речи великий князь:

– Слушайте, славные русичи! Вам мое слово!

Близ храма смолк говор. За спиной у Анны появился священник отец Герасим и дьячки. Анна продолжала:

– Пришла злая весть! На нас идут печенеги. Но вам ведомо, что великий князь с дружиной в Новгороде, что воевода Вышата ушел в Тмутаракань. Потому нам с вами защищать стольный град, в который испокон веку не ступал враг! – Анна перевела дыхание, глянула на Настену, на отца Герасима. – Я думала позвать сверстников, дабы носить на стены камни. Теперь и вас, отцы, матери, сестры, зову к тому же. В злую годину святая Ольга защитила город от печенегов. То и нам посильно. Идемте же на берега Днепра и Почайны собирать камни. – Она повернулась к священнику: – Тебе, отец Герасим, с крестом идти вперед.

– И во благо, – ответил Герасим и сошел с паперти.

Почти тысячная толпа потянулась за Герасимом, Анной и Настеной. Анна повела горожан через детинец, прямой дорогой к Боричеву взвозу, к Днепру. Там кияне рассеялись по всему берегу могучей реки, и каждый нашел себе посильную ношу. И вот уже вереница горожан медленно потянулась в гору, к крепостной стене, дабы положить на нее свое оружие и убить им врага, ежели он посмеет подняться на стену, вломиться в мирный город. Пришли за камнями и две очень старые горожанки. Зоряну и Пересвету знали в Киеве все. Им было почти по сто лет, и они хорошо помнили княгиню Ольгу, потому как сенными девицами состояли при ней. Анна и Настена, спускаясь в пятый раз к Днепру, увидели этих согбенных под тяжестью ноши женщин и поспешили к ним. Анна подошла к Пересвете.

– Бабушка, дай мне камень, я отнесу его ради тебя, – сказала Анна и взяла нелегкую ношу. И Настена не отстала от Анны. Она подошла к Зоряне и проговорила:

– Знаю, матушка Зоряна, что у тебя нет внуков, они погибли в сечах. Вот я и буду тебе за внучку. И понесу твою ношу.

Зоряна отдала Настене камень, но придержала ее за руку, заглянула в глаза, покачала головой, с трудом от одышки произнесла:

– Ты освятована Богом. Нести добро тебе ближним не порочно. Иди же.

Догадливые товарки приспособили для переноски камней крепкие холстины. Они клали в них камни и, взвалив на спины, несли. А навстречу Анне и Настене из города шли и шли все, кто имел в руках хотя бы малую силу. Многие торговые люди послали своих работников с повозками. Так же поступали именитые горожане. Звонари подбадривали трудников-киян колокольным звоном. Это был еще не набат, колокола благовестили. А священнослужители и монахи вместе со всеми носили камни и, возвращаясь к реке, каждый раз пели псалмы или каноны.

К вечеру первого предосадного дня в городе появились селяне. Они тоже поспешили на помощь стольному граду. Многие приехали на лошадях, привезли зерна, овощей, пшена, вяленой рыбы и говядины – всего, что могло спасти киян от голода во время осады. Припас принимали княжьи мужи, тут же рассчитывались за товар. Появились и беженцы из сел, из Вышгорода, дабы укрыться от врага за крепостными стенами.

Три дня и три ночи по берегам Днепра и Почайны русичи собирали камни, добывали их в пещерах под холмами. Много дней готовили жерди, колья, рогатины, бревна, дабы сбрасывать врага со стен. Семь дней и семь ночей все кузни Киева и посадов ковали мечи, накопечники стрел и копий. И все эти дни Анна и Настена не покидали улиц города, появлялись там, где были кому-то нужны, кого-то могли ободрить словом, оказать помощь. Великая княгиня Ирина в эти дни пребывала в страхе за свою среднюю дочь. Ирина знала, чем занималась Анна, но это не избавляло ее от переживаний за жизнь неугомонной и рискованной головушки. Но приходили минуты, когда мать радовалась тому, чем была занята ее дочь. Увидев вереницу горожан, несущих с Днепра камни следом за Анной, великая княгиня воскликнула, обращаясь к Елизавете:

– Господи, ты посмотри! Ведь она как истая государыня верховодит.

Ирина благодарила Всевышнего за то, что он вложил в душу дочери сильные стремления. Княгиня видела Анну будущей государыней. Она еще не знала, в какой державе княжна обретет свою новую родину, но верила в то, что эта держава никогда не упрекнет Русь за государыню-славянку. Сама Ирина была довольна тем, что свила свое материнское гнездо в России. Ее северная родимая земля, викинги морей, землепроходцы не упрекнут ни в чем свою дочь, принцессу Ингигерду. Она достойно несет честь великой княгини. И сегодня, когда предстояли тяжелые испытания перед лицом жестокого врага, она не дрогнула и занималась тем, чем должно заниматься великой княгине в час отсутствия государя.

И настал день, когда до Киева дошли вести о том, что печенеги уже двинулись в поход на стольный град. Они дерзнули нарушить мирный договор и вот-вот войдут в пределы Руси. Их вели большие князья Темир и Родмон. Давно степняки не поднимались такой силой и теперь спешили ухватить легкую победу, зная, что великого князя Ярослава с дружиной нет в Киеве.

Но и князь Ярослав получил весть от принца Гаральда о том, что печенеги двинулись на Русь. Прервав все дела в Новгороде, великий князь поднял немедленно дружину в седло и скорыми переходами – лишь короткий отдых на сон да передышка коням – помчал из Новгородской земли спасать свой стольный град. Знал он, что в Киеве всего лишь сотня гридней в личной охране великой княгини. Вся воинская сила была с ним. С Ярославом шли новгородская дружина во главе с воеводой Лугошей Евстратом и две тысячи варягов¹¹, коих вел принц Ярлем Рагневад, поступивший к великому князю на службу. Знал Ярослав, что, какой бы многочисленной ни была орда, он прогонит печенегов с Русской земли и сурово накажет их за нарушение мирного договора. Но сейчас великого князя беспокоило одно: успеют ли его воины подойти к стольному граду до того, как степняки начнут его осаду. Знал Ярослав, что кони печенегов легки в пути и за летний день проходят больше ста верст. Однако и русичи не уступали им. Верил Ярослав и в то, что если печенеги придут под Киев раньше его, то с ходу

¹¹ *Варяги* – древнерусское название жителей Скандинавии – норманнов; скандинавское *væringjar* – союзники (*греч.*).

город не возьмут. Великой княгине не занимать мужества, и она поднимет горожан на оборону города. А им поможет выстоять духом предание о подвигах святой Ольги, которое бережно хранилось в каждом доме. С надеждой на лучший исход и стремился Ярослав к стольному граду. И вот уже до Киева осталось одно поприще¹².

Воеводе Глебу Вышате было труднее. Получив от гонцов весть о печенегах и повернув дружину к Киеву, он хотел вести ее коротким путем, но это значило, что ему пришлось бы идти через степи вблизи становищ печенегов. И тогда не миновать преследования степняков и схваток с ними. Вышата на то не отважился. Нужно было беречь силы и воинов для главной сечи с печенегами. И он повел дружину полукружием, через лишние водные преграды. Слева от него, может быть, в сотне верст двигалась орда. Дозоры, шедшие впереди, неусыпно следили за ее движением.

В Киев той порой примчались воины со сторожевых застав. На княжеском дворе их встретила княгиня Ирина.

– Говорите, какие вести принесли? – спросила она воинов.

– Матушка великая княгиня, вороги в двух поприщах, катят тьмою широким валом, – доложил молодой сотский Анастас, черный от пыли, с горящими голодными глазами.

Княгине Ирине нечего было сказать в ответ, и она послала вестников в поварню. Сама отправилась на крепостные стены, дабы проверить, все ли готово для отражения врага. Но едва она покинула княжеское подворье, как появились новые вестники. Прискакал с пятью воинами старший сын Владимир. Узнав, что мать на крепостной стене, побежал искать ее там. А как нашел, воскликнул:

– Матушка, мы спасены! – Он обнял мать. – Мы собрались уходить из Новгорода, как примчал с полусотней огневой Гаральд. Все обсказал, и мы в тот же день выступили в поход. Я от батюшки. Дружина уже прошла Галич и завтра будет здесь.

– Господи, слава тебе! – воскликнула и княгиня. От радости она прослезилась. Осмотрела сына, вздохнула: – Лица на тебе нет. Ты устал, изнемог. Иди поешь и отдохни. Время еще есть.

Это было правдой. Князь Владимир и его воины провели в седлах несколько суток, спали урывками, питались кое-как. Однако об отдыхе князь не думал. Спросил мать:

– Что слышно о печенегах?

– Они близко. Уже в наших пределах. Но теперь верю: князь-батюшка успеет подойти. А мы вот приготовились встретить врагов. Идем, я покажу тебе, чем будем отбиваться.

Ирина повела сына за собой. Она показывала всюду висевшие у бойниц груды камней, жерди, короткие бревна.

– Всем миром готовили. Никто не жалел сил. А подняла народ твоя сестрица Аннушка.

У Владимира на лице лишь удивление. Он понимал, что, ежели приготовленное горожанами на стенах доведется обрушить на степняков, тысячи их найдут гибель под стенами Киева.

– Славная моя Аннушка. Я люблю ее, – шептал Владимир.

Великий князь Ярослав той порой уже был в Любече. Сделав небольшую передышку в городе, он двинулся к Киеву. Ехал и размышлял. Да было о чем. Над Русью в минувшие несколько лет витала Божья благодать. Во всех войнах Ярославу светила удача. Со смертью князя Мстислава Русь стала великой державой, равной которой в Европе не было. Города на Руси процветали торговлей, ремеслами. Богатели Новгород, Псков, Киев, Полоцк, Чернигов, Белгород, Любеч, Смоленск. Крестьяне кормили горожан вволю, никто в державе не голодал. Неужели же теперь от русичей отвернется Божья благодать? Так размышлял великий князь, покидая с дружиной Любеч. На его лице сквозило удивление, когда он думал о дерзких пече-

---

¹² Поприще – путевая мера, около 20 верст.

негах. Как смели они нарушить мир? Не думают ли, что их набег на Русь останется безнаказанным?

Было раннее утро, солнце лишь поднялось над степью. День обещал быть жарким, тяжелым. А до Киева еще немало верст. Не упасть бы с коня, не сникнуть, сохранить силы для схватки с врагом под стенами Киева, схватки трудной, жестокой, потому как врагу так удобнее стоять против усталых русичей. Но судьба и на этот раз благоволила к Ярославу. Едва дружина перебралась на правый берег реки Тетерев, притока Днепра, как из Киева прискакал гонец, внук воеводы Путяты Данила.

– Князь-батюшка, шлет тебе свое слово княгиня Ирина, – сказал гонец. – Слово знатное.

– Говори.

– Печенеги могут подойти к Киеву только завтра – так передал сотский Анастас, который примчал с заставы.

Ярослав невольно улыбнулся. С сердца скатился тяжелый камень переживаний за стольный град.

– Спасибо за добрую весть, внук Путяты. Нет, не подойдут вороги к Киеву. Не видать им стольного града! – И князь, повернувшись к ратникам, крикнул: – Слушай, дружина! Киев здоровствует! И у нас есть время прийти к нему раньше печенегов. Вперед, русичи! Вперед! Скрестим мечи с поганцами в чистом поле!

И прибыли силы у воинов, они воспряли духом. Каждый знал, что оставшиеся версты они пройдут до ночи. Потом будет короткий отдых, а тогда уже и в сечу можно... И рать Ярослава двинулась навстречу врагу. А в полночь, в версте от Киева, великий князь собрал воевод и сказал им:

– Пусть город мирно спит. Ведаю, люди уже намаялись. Я pošлю человека только к великой княгине – предупредить. Мы же идем к реке Вета, там и встретим орду.

Воеводы не возражали. Князь отправил Яна Вышату к Ирине с наказом выслать вслед ему всех ратников, сам повел дружину за Киев.

Дозорные на стенах крепости заметили движение рати близ города. Со стен слышались голоса воинов: «Ярослав с нами». Распахнулись северные ворота, Ян Вышата скрылся в них. И вскоре же из Киева выехал конных отряд в триста – четыреста воинов, коих вели старый воевода Путята и Ян Вышата. Анна с Настеной в этот час горевали на крепостной стене. Им было обидно оттого, что матушка-княгиня отказала Анне и ее товарке уйти с войском.

– Отроковицам на поле брани делать нечего, – произнесла Ирина строго. – А вам лишь дай волю...

– Так мы же не пойдем в сечу, – попыталась возразить Анна. – Мы только при рати будем.

– Сказано, стойте на стене, за оком смотрите. Может, еще и печенеги прихлынут. У наших один путь, а у них – много.

Довод был убедительный, и Анна смирилась. Пригревшись возле Настены, с которой сидела рядом у бойницы, княжна задремала.

Речка Вета была мелководная, но широкая – на полет стрелы, – с заболоченными топкими берегами. Перед речкой, со стороны русичей, тянулась гряда низких холмов. За этими холмами и затаилась рать Ярослава. Встали как нужно. Норвежские витязи Гаральда и Ярлема, как наемные, заняли место в середине. Им, может быть, предстояло выдержать первый удар, ежели печенеги пойдут не лавиной, а клином. Слева от норманнов изготовились к битве двадцать тысяч ратников большой дружины Ярослава. Новгородцы во главе с воеводой Лугошей заняли берег справа от норманнов. В степь были высланы дозоры. И кстати: воины успели поспать, отдохнули, потрапезничали. Лишь на вечерней заре, когда она угасла, примчались дозорные с вестью о том, что орда приближается.

– Катятся без усталости, батюшка-князь, – доложил десятский Якун.

– Ты уверен, что печенеги пойдут сюда, а не минуют нас стороной? – спросил князь дозорного. – И когда они здесь будут?

– Пойдут, князь-батюшка, мы их заманивали. – Высокий, крепкий детина, держась за луку седла, посмотрел на запад и добавил: – А вот как вовсе увянет заря, так и явятся.

Ярослав велел собрать воевод. Когда они сошлись к его шатру, упрятанному в зарослях ивняка, сказал:

– Ноне полнолуние. Видите, поди. Бить ли нам печенегов ночью или ждать утра?

Воеводы посмотрели на новгородца Лугошу. Он понял, чего от него ждут, как от старшего по возрасту. Ответил просто:

– Как отказаться от ночной сечи, ежели нам будет светить сама Божья благодать?!

– Сказано верно, – согласился Ярлем. – В лунном свете любой враг словно заяц на току.

– Нам ли искать легкий путь! – воскликнул пылкий Гаральд.

– В согласии и будем ждать врагов. Но вот непременно для всех. Мы дадим передовой лавине печенегов перейти через Вету. А когда приблизятся к холмам, когда увязнут в болоте, мы и навалимся на них. Идите же к воинам и скажите о том тысяцким и сотским.

С тем воеводы и разошлись по своим дружинам.

Над Ветой все замерло: ни движения, ни звуков. Лишь шелест крыльев выпей и чибисов над поймой реки нарушал тишину. Вечерняя заря уже погасла. Только небо на закате солнца оставалось светлым. Когда же оно потемнело, а на востоке поднялась из-за окоема полная луна, с юга послышался ровный и нарастающий гул: орда приближалась.

В стане русичей все оживило. Воины поднялись в седле, обнажили мечи, изготовили щиты. Расчет князя Ярослава был всем ратникам понятен: лишь только печенеги начнут переправу через Вету, приблизятся к холмам и будут скованы в движении, валом скатиться на них с вершин холмов, смять первые ряды врага, погнать его обратно к реке в топь. У русичей были и простор для удали, и сила для натиска.

И вот печенеги показались. Они шли широко, дабы сразу на большом пространстве одолеть реку, о которой они, несомненно, знали. Степняки уже заполонили левый берег, и первые ряды конников спустились к воде и двинулись к правому берегу. Послышалось ржание лошадей – им хотелось пить – и яростные, гортанные крики воинов, погоняющих коней. У степняков в голосах ни страха, ни тревоги. Многие всадники уже одолели водный рубеж и угодили в топь низменного берега, кони начали вязнуть, задние воины погоняли передних, возникли шум, гвалт. На правом берегу становилось все теснее. Часть воинов, однако, выбралась из топи и приближалась к холмам. Но степняков близ них было еще мало, и Ярослав сдержал русичей, готовых ринуться в сечу. И совсем немного прошло времени, когда все пространство от Веты до холмов заполонили ордынцы. Медлить было уже опасно. С каждым мгновением у врага прибывали силы.

И прозвучали боевой рог и боевой клич великого князя:

– Во имя Господа Бога! Во имя Руси! Да не будет сраму за нами! – И он первым помчался с вершины холма навстречу врагу.

Над холмами загулял гром. И в сей же миг вся русская рать и две тысячи норманнов ринулись с холмов на печенегов. И никто из них не успел прийти в себя. Забыв обнажить сабли, печенеги в ужасе поворачивали коней и, давя друг друга, устремились к реке. Вслед им несло: «Бей поганых! Бей!» Лунный свет заливал речную долину, и у русичей не было помех, дабы увидеть в ночи врага, догнать его и уничтожить. Ратники Ярослава, витязи Гаральда и Ярлема, новгородцы Лугоши настигали растерявшихся печенегов и разили их без сопротивления. Сверкали мечи, и падали под могучими ударами русичей и варягов степняки, падали их кони. Воины Ярослава пробивались на левый берег по трупам, словно через лесной завал.

Отважнее всех сражался принц Гаральд со своей сотней. Он добывал себе славу, чтобы принести ее к ногам своей принцессы Елизаветы. Гаральд первым поднялся на вражеский

берег, ломился сквозь смятенных печенегов, чтобы найти их князя, сразиться с ним. «Мне нужна твоя голова, дикий кочевник!» – твердил Гаральд, нанося удары тяжелым мечом. Сотня Гаральда, словно мощный таран, пробивала дорогу к вождям орды, чтобы покончить с ними и сломить всякое сопротивление печенегов.

Было, однако, очевидно, что печенежские князья Родмон и Темир потеряли над ордой власть. Родовые князья, находясь близ своих воинов, тоже были охвачены паническим страхом, потому как ночью никогда не бились с врагом, боясь ночных духов. Следом за варягами вклинились в печенежскую орду дружины Ярослава и Лугоши и уже били степняков на всем пространстве Веты, кое заполонили степняки.

За полночь Родмон и Темир сумели наладить сопротивление своих воинов. На рассвете они начали теснить правое крыло новгородцев, пошли на них большой силой. Воевода Лугоша понял, что его ратникам не сдержать натиск орды, и отправил воина просить Ярослава о помощи:

– Скажи батюшке, что тьма на нас навалилась.

И князь Ярослав был вынужден послать на помощь новгородцам запасную тысячу воинов. При этом он проворчал:

– Не помню, чтобы Лугоша пятился.

Сеча продолжалась. Родмон и Темир гнали и гнали воинов к Вете и за нее, но там они гибли, как в прорве, так и не сумев овладеть правым берегом, добраться до холмов. К утру Темир, как более опытный воевода, потребовал от старшего по чину князя Родмона вывести воинов из сечи:

– Если мы не уйдем от этого гиблого места, то погубим племена и орду. Нам нужен степной простор. Потому умоляю тебя, князь Родмон, ради наших детей и пока не все потеряно, отойти в степь. Мы сумеем оторваться от русов.

Молодой и гордый Родмон, получивший власть от отца всего год назад, заносчиво ответил:

– Как только взойдет солнце, я повергну русов и войду в Киев. Он будет мой!

Хвастливое заверение печенежского князя так и осталось пустыми словами. В рассветный час никто ни в стане печенегов, ни в лагере русичей не знал, что с правого тыла к ордынцам приближалась дружина воеводы Глеба Вышаты. Его воины падали на луки седел от усталости, а кони от тысячеверстного перехода утомились и спотыкались. Однако у всех нашлись силы ввязаться в сечу. Глеб Вышата во главе дозорной сотни, обнаружившей печенегов еще в степи, подобрался к ним по балкам и лощинам и налетел со спины. Дерзость русичей ошеломила печенегов. Они не знали, сколько воинов ударили сзади и где искать спасения. А когда все шесть тысяч ратников Глеба Вышаты напали на орду с тыла, в стане степняков вновь возникла паника, они оказались между молотом и наковальней. И почти не было уже обоюдной сечи, началось уничтожение степняков, дерзнувших захватить стольный град Руси. Печенеги были парализованы. Первыми покинули поле брани князья Родмон и Темир. Убегали, кто как мог, и родовые князья, оставляя своих родичей на погибель.

Над приднепровской степью взошло солнце, но там, где русские рати уничтожали полуокруженную орду печенегов, дневное светило не бросало своих лучей на землю, они рассеивались в облаках густой пыли, поднятой конскими копытами. Орда повсеместно бросилась спасаться бегством. Ярослав, однако, отважился преследовать степняков, дабы наказать их за вероломство и нарушение мира. Окрыленные ночной победой, русичи настигали врага, их трупами устилали степь витязи Гаральда и Ярлема. И еще тысячи печенегов погибли от мечей русских и варяжских богатырей.

«Великий князь Ярослав одержал победу, самую счастливую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках, немногие спаслись бегством; и Россия

навсегда освободилась от их жестоких нападений», – сказано у Н. М. Карамзина в «Истории государства Российского».

Глава третья

Нашествие женихов

Был праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Во всех храмах Киева с утра до вечера шла служба. В Десятинном-Богородичном храме отслужили Божественную литургию и был молебен в честь победы русской рати над печенегами. Горожане молились, ликовали с того часа, когда до Киева дошла весть о том, что русская рать повергла степняков, и теперь кияне с нетерпением ждали возвращения князя Ярослава с дружиной. Ведь всем хотелось знать, уцелели ли их отцы, братья, сыновья, женихи. Однако пройдет еще немало дней, когда русская рать вернется с поля брани.

Князь Ярослав задерживался в степи по многим причинам. Русичи продолжали гнать печенегов до Днепра. Это было трудно, потому как враги знали, что на берегу могучей реки их ждет полная гибель, знали, что им, конным, не справиться с прибрежным заграждением из скал и утесов. А без коня ни один печенег не мог бы одолеть бурную водную преграду. В отчаянии князь Родмон и Темир повернули своих воинов на русов, дабы прорваться-таки через их ряды и уйти в степи. Два могучих усмана¹³ помчались впереди своих воинов. Но им навстречу вырвались богатырь Глеб Вышата и отважный витязь принц Гаральд. Схватка была скоротечной. Дважды Вышата взмахнул мечом и с первого удара вышиб из рук Родмона саблю, а со второго поверг его на землю, ударив мечом плашмя. Тут же подлетели гридни Вышаты, заслонили Родмона от печенегов, спешивших выручить своего князя. И вокруг него завязалась упорная схватка.

– Да пошли вы прочь, дьяволы! Не отдадим мы вам князя! – кричал Глеб Вышата, отбивая с гриднями степняков Родмона.

Вскоре телохранители князя Родмона легли близ него. А он открыл глаза и пришел в себя. Но это уже случилось тогда, когда Родмона связали по рукам и ногам сыромятными ремнями.

Упорнее бились Темир и Гаральд. Сильный печенег, казалось, вот-вот повергнет норманна. Но искуснее оказался Гаральд. Его меч сверкал как молния, и в тот миг, когда сабля Темира ударилась о сталь кольчуги на груди Гаральда, он снес голову печенежского воеводы.

Гибель одного князя и пленение другого вновь повергли врагов в панику, от которой они уже не могли оправиться, и на всем пространстве обратились в бегство. Той порой Гаральд соскочил с коня, схватил за волосы голову князя Темира, поднял ее и пошел навстречу приближающемуся Ярославу Мудрому.

– Великий князь, мы победили! Вот голова одного из двух презренных вождей. – И Гаральд бросил голову Темира под ноги коня Ярослава. Потом он показал рукой на отряд воинов, вскинувших мечи, и сказал: – Ты видишь, государь, там воеводой Вышатой повергнут их второй вождь.

– Спасибо за службу, принц! Вышате тоже спасибо! – ответил Ярослав и поскакал туда, где был пленен князь Родмон.

Дружины великого князя наконец прижали печенегов к скалистому берегу Днепра и там их добивали. Но часть кочевников все-таки сумела уйти на правом крыле в степь. Их уже не преследовали. И когда перед русской ратью открылся могучий Днепр, по его берегу бродили лишь одинокие кони. И только здесь Ярослав Мудрый понял, что русичи одолели печенегов, победили их и им уже долго не прийти в себя. Князь снял шлем, перекрестился и тихо произнес:

---

¹³ Усман – богатырь.

– Слава тебе, Господи. Ты не оставил нас своими заботами.

Возвращались в Киев дружины медленно. На всем пути, который прошли, преследуя врага, и там, где была первая сеча, воины хоронили павших, собирали оружие, ловили коней. И наконец, упоенные победой, сморенные усталостью, двинулись к Киеву.

Позади дружин русичи гнали сотни три плененных печенегов. Среди них были вождь орды князь Родмон и несколько мурз. Осмотрев полонян, великий князь решил, что в рабство он их не продаст, но за каждого потребует выкуп, а за князя столько же, сколько за всех вместе. В часы возвращения в Киев Ярослав думал о многом. В нем поселилась уверенность в том, что никакие беды теперь не прихлынут на Русь. Лишь днепровское половодье будет тревожить, а то и радовать глаз. Потому настало время возвеличения державы, и прежде всего – стольного града. Осталось только подумать, с чего начать преобразование Киева. Жизнь, однако, подсказала сама, к чему раньше всего приложить руки. И еще в пути Ярослав обратился к воеводе Глебу Вышате, который ехал рядом с ним:

– Ты, Глебушка, не пойдешь больше в Тмутаракань. Нет нужды. И в Чернигове тебе не быть с дружиною. Веди ее в Киев.

– Где же мне стоять с воями? Во граде?

– Встанешь на Почайне, пока теплынь. Великое дело будем мы творить, Глебушка. Весь град на ноги подниму. Ну да об этом потом, пусть пока созреет... Задумке вызреть надо, – произнес князь, вновь окунувшись в свои замыслы.

Великий князь въезжал к Киев как победитель, как отец-радетель. И встречали его тому подобающе. Тысячи людей поспешили на южный шлях. Над городом плыл торжествующий, неумолкаемый звон колоколов. Священнослужители вышли навстречу дружинам с чудотворными иконами и хоругвями. Но первой поздравила Ярослава с победой его любимая дочь Анна. Она ускакала со своей товаркой Настеной далеко в степь, там встретила отца, подлетела к нему, осадил коня и поцеловала руку.

– Батюшка, с победой тебя! Ты победитель! – Глаза Анны сверкали, вся она сияла от счастья.

– Заслуга в том русичей и наших друзей варягов. – Он дотянулся рукой до головы дочери, погладил ее. – Ты уже в цвету, как яблонька. А где же наша матушка?

– Она рядом. Вон мчит ее колесница. – И Анна показала на четверку серых коней.

Вместе с великой княгиней Ярослава встречали дочь Елизавета, сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод. Ирина плакала и улыбалась.

– Родимый батюшка, как ты отощал и черный, аки грач, – загоревала она, держась за стремя.

– Вот отмоюсь в бане да на твоём брашне нагуляю запас, буду как молодой конь, – пошутил Ярослав. Он сошел на землю и обнял княгиню. – Натерпелись тут страху, лебедушка...

– Некогда было, родимый, в страхе пребывать. Да и горожанам спасибо. Вселили они в меня дух веры, с Ольгиных времен хранимый.

– Сие верно. Кияне ее помнят и чтут. Под ее стягом и ты бы выстояла перед погаными.

Ярослав въехал в Киев под несмолкаемые крики тысяч россиян. Жаркий полдень оглашали возгласы: «Слава великому князю! Слава!»

– И вам слава, русичи отцы и матери, за то, что ваши родимые не щадили живота своего и сражались храбро!

Ярослав не спешил в терема, ему хотелось побыть среди горожан, посмотреть, как они подготовились защищать стольный град. К тому его побудила Анна:

– Батюшка, ты поднимись на стены и пройдишь по ним. Тебе будет ведомо, с чем мы печенегов ждали.

– Батогов, что ли, на них приготовили?

– Да уж добрую справу нашли. – И Анна лукаво улыбнулась.

Великий князь внял совету дочери. Но, еще не поднявшись на стены, он увидел многое из того, что говорило о намерениях киевлян защищать стольный град так, как защищали его прадеды во времена святой Ольги. Внизу, у стен крепости, лежали бунты бревен, жердей, чурбаков. Все это должно было обрушиться на головы врагов, сбить их со стен, низвергнуть в ров. «Не в чем мне вас, кияне, упрекнуть», – мелькнуло у Ярослава, и он продолжал осматривать припасы. На луговинках он увидел множество котлов, корчаг, висевших на жердях и крюках. В них горожане думали варить смолу, кипятить воду – все для печенегов. Ярослав был доволен. А поднявшись на стену, ахнул от удивления. Там вдоль бойниц, насколько хватал глаз, лежали горы камней. И, как счел Ярослав, любой камень, брошенный со стены рукой женщины или старца, мог поразить врага.

– Славные мои дети, славные русичи, склоняю голову пред вами, – тихо произнес Ярослав.

– Батюшка, о чем ты там шепчешь? – спросила Анна.

– Все так, родимая, шепчу молитву в честь россиян. И эти каменные горы меня радуют.

– А это наши ученики из Десятинной школы да отроки городские наносили, – небрежно ответила Анна.

Ярослав посмотрел на дочь, взял ее за руку, провел по ладони:

– Догадываюсь, что и ты с Настеной от них не отставала.

Анна не отозвалась на замечание отца. Сказала с сожалением:

– Нам так и не удалось камешками потешиться. Сколько их теперь пропадет!

– Ох, Анна, ты меня удивляешь! Хвали Бога, что он не допустил ворогов к стольному граду! – горячо воскликнул Ярослав. – А камню найдется место...

– Ладно уж, тащим обратно на берег Днепра.

– Не серди меня, Аннушка, – строго проговорил Ярослав. – Я же говорю, что камню найдется место. – Он подвел Анну к бойнице и показал на возвышенность сажень в ста двадцати от старых стен: – Видишь этот холм? На нем и от него вправо и влево поднимается новая стена, она опояшет стольный град и будет каменной, а не деревянной. Теперь скажи: доброе место я нашел для вашей добычи?

– Очень доброе, батюшка.

– И еще стократно попрошу всех горожан добыть камня на стены. Но не только на них. На том шляхе, коим дружины вернулись в город, мы вознесем врата с храмом и назовем их в честь победы над печенегами Золотыми.

– Охо-хо, – по-взрослому вздохнула Анна, – многие лета утекуют, пока поднимутся стены да врата с храмом.

– Ан нет! – горячо возразил Ярослав. – Через неделю мы зложим первый камень. И не улыбайся! А теперь нам пора в храм.

Воеводы, кои поднялись на стену вместе с Ярославом, прислушивались к разговору князя и княжны да переговаривались. Им все услышанное было в новину. Но никто не думал отрицать, что иные стены Киеву не нужны, и все готовы были таскать на них камни. Вот только после сна, после отдыха. На воевод навалилась многодневная усталость, напряжение битвы. Их ноги подкашивались. Но они пока держались. Ради победы они были готовы не только отстоять молебен, но и не спать ночь, провести ее за трапезой с хмельным и с былинными песнями, как во времена Владимира Красное Солнышко, отца князя Ярослава.

Лишь принц Гаральд пребывал в удрученном состоянии. Нет, не от усталости, а оттого, что княжна Елизавета не смотрела на него. Он ни на шаг не отступал от нее и всячески старался обратить на себя внимание. Он жаждал рассказать, как дрался с печенежским князем-усманом, как отсек ему голову и бросил ее под ноги великому князю. Но природная скромность мешала принцу хвалиться своими подвигами, и он, покорный воле судьбы, шел за княжной молча.

В этот час витязя Гаральда, влюбленного в Елизавету, понимала только юная Анна, которая также безуспешно добивалась внимания молодого сотского Яна Вышаты. Его сердце еще не замирало при виде красивых девиц. А княжну Анну он просто не замечал, а ежели и смотрел на нее, то как на пустое место. Анна злилась и шептала Настене:

– Он прямо каменный идол.

– Не сердись на него, нельзя слепых попрекать, – отвечала Настена. – Котенок и есть...

– Помогла бы прозреть, пожалела бы свою товарку, – горячилась Анна. – Подсказала бы, каково мне-то.

– Придет время, и прозреет, голубушка. И сердце вспыхнет, как береста. Да берегись тогда.

– Того не боюсь, – ответила Анна, и весь вид ее, гордый, отважный, говорил о том, что так и будет.

Настена это знала. Она даже видела, как это произойдет. Но не думала открывать Анне свое видение, не хотела подбрасывать хвороста в огонь.

В день Преображения Господня, вскоре же после богослужения, возликовал весельем весь Киев. Повелением великой княгини на теремном дворе и на площадях города торговые люди за счет княжеской казны выставили бочки с хмельными медами, брагами и пивом, привезли туши баранов и быков, вынесли короба с хлебами. Горожане разводили костры, готовили обильную трапезу. И первым на площади Десятинного храма подошел к столу великий князь. Ему подали кубок. Он же сказал громкое слово своему любезному народу:

– Нам теперь, русичи, жить вольно многие лета. Враг растоптан, и в наших пределах ему вовеки не быть! Слава россиянам! – И Ярослав осушил свой кубок.

– Слава ратникам! Слава великому князю! – прозвучало над площадью.

И началось невиданное веселье. Праздновали победу под благовест колоколов весь день и почти всю ночь. А на рассвете тысячи воинов окунулись в сон там, где пришлось: на улицах, площадях, в палисадах, во дворах. До полудня горожане не тревожили сна победителей, а потом взялись выставлять свои припасы на угощение воинов.

На Руси наступила мирная жизнь. Лишь у великого князя не было покоя. Он разослал во многие концы державы гонцов, дабы собрать в Киев мастеров каменного дела. Когда же Ярослав поделился с близкими тем, что желает в честь победы над печенегами возвести в Киеве храм, подобный царьградскому храму Святой Софии Премудрости, митрополит Феопемид, родом из Византии, сказал:

– Благое дело задумал, сын мой, великий князь, но, ежели мыслишь угодить Господу Богу, позови зодчих и каменотесов из Константинополя, достойных святости.

– Твое слово, владыко, мне по душе, – ответил Ярослав.

Он внял совету митрополита и отправил послов в Царьград. Но за год до того, как положить первый камень в основание собора Святой Софии, через неделю после победы над печенегами Ярослав вывел всех горожан Киева и всех воинов своих дружин на возведение каменных крепостных стен. Строили всем миром. В августовский погожий день горожане, воины княжеской дружины, варяги воеводы Ярлема, ратники воеводы Лугоши вышли за старые стены и по обозначенным вешкам начали копать котлованы под башни, рвы под стены. Тысячи людей с повозками собирали камень на берегу Днепра, на Почайне. Сотни умельцев пошли добывать его в каменоломни под ближними холмами. Опустили великокняжеские терема. Придворных повела за собой княгиня Ирина. Даже затворница Елизавета не усидела в тереме, правда, не без участия младшей сестры Анны. Она сказала Елизавете:

– Там будет принц Гаральд. Он же герой. Он пленил многих печенегов и победил их князя. Ты ему любя.

Анна считала, что старшую сестру нужно расшевелить лаской и лестью. И она говорила Елизавете, что та самая красивая девица на свете, похожа на волшебную лесную деву, что та всегда загадочна, всегда за легкой завесой тумана.

– Но тебе надо выйти из пелены тумана, – добавила Анна, – и тогда Гаральд увидит твою волшебную красоту и полюбит тебя еще сильнее.

Елизавета была согрета теплом младшей сестры и отозвалась на ее зов:

– Ладно уж, идем. От полезного дела нас не убудет.

Обе они оделись попроще и в сопровождении мамок отправились за стены старой крепости. По пути Анна и Настена взяли по камню и прочих уговорили. Елизавета посмеялась над ними:

– Много ли проку с того, что положим свои горошины на стену?

– Ой, сестрица, ежели все кияне многожды принесут по камушку – вот и поднимется новая стена. – И добавила мудро: – Всякое радение оставляет добрый след, ежели идет от души...

– Право, Аннушка, ты слишком умная растешь. И какой поднимешься с годами? – озадачила старшая сестра Анну.

– От тебя далеко не уйду, – отшутилась Анна и заговорщицки посмотрела на Настену.

Та улыбнулась.

Наконец-то они добрались до южных холмов, где горожане и воины копали рвы и котлованы. Елизавета удивилась невиданному зрелищу: земля была похожа на лесной муравейник. Тысячи людей усердно трудились, и где-то орудовал заступом ее рыцарь. Тайно Елизавета гордилась тем, что Гаральд любит ее. Она тешила себя мыслью о том, что стоит ей пожелать, и голубоглазый принц-воин падет к ее ногам. Но ее воображение рисовало иного героя, чем Гаральд. Ей хотелось, чтобы ее избранник, как древние предки королей Олофов, прославил себя рыцарскими подвигами. И то, что Гаральд поверг грозного печенег Темира, ей показалось недостаточным. И все-таки, когда Анна рассказала Елизавете о поединке Гаральда с Темиром, она в душе порадовалась. Ведь это ради нее, сочла она, Гаральд отважился на смертельную схватку. Но Анне Елизавета с усмешкой сказала:

– Наши воеводы и даже гридни не похваляются подвигами, а он...

Анна осталась недовольна сестрой и при встрече с Гаральдом по простоте душевной поведала страдальцу о равнодушии к нему Елизаветы. Не зная того, Анна подлила масла в огонь. В этот день Гаральд и еще несколько его воинов сбрасывали камни со старых крепостных стен, и принц, терзаемый сердечными муками, делал это как одержимый. Даже сам Ярослав его похвалил:

– Ты, принц, и в работном деле отважен.

Великий князь знал, что старшая дочь любя Гаральду, что тот мечтает заполучить ее в жены. Однако Ярослав считал, что Елизавета – красавица и умница – достойна иной судьбы. Знал Ярослав, что королевский трон далек от Гаральда и корона не светит ни ему, ни его будущей жене. Все это взвесив, Ярослав скрепя сердце сказал однажды Гаральду:

– Все я прикинул, все обдумал, принц: не будет тебе удачи в Норвегии. Потому смирись. И Елизавете не лететь к твоему гнездовью в паре с тобой. Не казни меня за то, что так мыслю. Ты далек от трона, а мне нужна дружба с твоей державой.

– Нет, князь-батюшка, трон будет за мной. В это я свято верю. И придет час, я покорю и тебя и твою дочь, – показал свой неумный нрав норвежский принц.

– Ну-ну, дерзай, – улыбнулся Ярослав, даже не рассердившись на отважного варяга, лишь подумал: «Ишь ты, покорить нас с Елизаветой решил. Да покоряй!»

Однако опасность для Гаральда возникла с другой стороны. С наступлением мирной поры при дворе Ярослава все чаще стали появляться иноземные гости и сваты, коим захотелось заполучить в жены для своих сюзеренов и государей достойных дочерей великого князя

великой державы. Одними из первых примчались польские послы от короля Казимира. Что ж, Польша была самым ближним соседом Руси, и мир с этим государством всегда был желателен для ее великих князей. Следом за поляками прибыли германские послы. Их тоже дружелюбно встречал Ярослав Мудрый: все-таки великая империя. А ближе к осени, на удивление всему Киеву, прикатили испанские купцы. Однако к горячим испанцам у великого князя было прохладное отношение. Знал он, что в их державе год за годом бушевали военные страсти и мирной жизни ни короли, ни народ там не знали.

Едва Ярослав Мудрый проводил обиженных испанских сватов, как в Киев приехал юный венгерский принц Андрей и отважился сам свататься за младшую дочь великого князя Анастасию. И хотя была она еще отроковица, сговор состоялся, потому как Андрею надежно светил трон, а Венгрия всегда была доброжелательна к Руси. И теперь принцу Андрею оставалось ждать, когда невеста подрастет, а старшие сестры выйдут замуж. Принц был терпелив и дожидался своего часа.

В великокняжеских теремах гадали в этот год, чем вызван наплыв на Русь иноземных женихов и сватов. Но все оказалось просто. Тому был виновником, как сочли в княжеских покоях, французский путешественник и сочинитель Пьер Бержерон. Это он побывал в гостях у Ярослава Мудрого, он любовался дочерьми князя и все нахваливал их. И позже, возвращаясь из Киева в Париж, он разнес по Европе похвалу Ярославовым дочерям. Он же хлебосольство великого князя вознес по иноземным столицам. И теперь кто только не спешил к гостеприимному русскому государю, кто только не слал к нему сватов и женихов!

Великий князь Ярослав и впрямь был хлебосол и радушно принимал гостей – королевичей, принцев, графов и других вельмож. Но в этот год одно смущало иноземцев: он принимал их чаще всего за чертой города, на холмах, где возводились каменные крепостные стены. Там Ярослав как простой каменотес облагораживал камни и клал их на раствор в стены. Сам же месил из песка и извести «каменное тесто». Ко всему он следил за тем, чтобы стены поднимались гладкие и ровные. И спуску за огрехи никому не давал.

Время в этом году бежало для россиян, как быстрые воды в Днепре. Еще зимой из Византии поступила весть о том, что по первой воде в Киев прибудет караван судов и на них император пришлет зодчих, каменотесов и многое для того, что потребно на украшение храмов.

Караван прибыл по июньской воде. И с ними в Киеве появился византийский царевич Андроник из династии Комнинов. Ярославу сей приезд отпрыска императорского дома показался удивительным и даже насторожил. Он знал, что Византия никогда не искала для своих царствующих особ императорского рода невест за рубежами своей державы. Конечно же Ярослав подумал о том, что породнение с Византией – большое благо для Руси. Но в выборе женихов для своих дочерей великий князь оставался щепетил. Потому по его воле царевича привели на стройку. Когда толмач представил гостя, Ярослав ласково осмотрел высокого, тощего, бледнолицего царского отпрыска и сказал:

– Милости просим, славный царевич, на стену. Тут и побеседуем. – И Ярослав протянул ему лопату. – Да и сноровку свою покажешь.

Проницательные серые глаза князя светились приветливо и с лукавинкой. Он улыбался. Под этим взглядом византиец почувствовал себя увереннее, улыбка ободрила его, и Андроник взял лопату. В этот час рядом с Ярославом трудились сыновья Всеволод, Святослав, Изяслав. Тут же были Елизавета и Анна. Неловко поорудовав лопатой, королевич покрылся потом и остановился в изнеможении. Но, отдохнув, он не взялся за работу, а не спускал глаз с Елизаветы и шептал: «Господи, она прекрасна, как богиня!»

К Андронику подошел князь Всеволод. Он начал месить раствор и сказал по-гречески:

– Ты, царевич, не серчай на великого князя, нашего батюшку. Таков у него обычай пригласить женихов. А чтобы великий князь был к тебе добр и снисходителен, побудь с нами на стене до полуденной трапезы. Да потрудись в меру своих сил...

Рядом с Всеволодом появился принц Гаральд, спросил его:

– Зачем появился сей хвощ? – Андроник и правда в своем шелковом зеленом полукафтани походил на древнее растение. – Я вижу, что он точит глаза на Елизавету. Дай-ка я встану рядом с ним, и пусть увидит великий князь, чего мы стоим.

Подошел Ян Вышата, который носил камни на самый верх стены, где над «Златыми вратами» сооружалась церковь. Он спросил Всеволода:

– Что это Гара пылает огнем? К гостю не должно быть непочтительным. – Ян тронул Гаральда за руку: – Помоги мне камень на стену поднять. – И увел принца. По пути сказал: – Ты не суетись. Елизавета сама даст цену тому хвощу.

– Господи, да ведь не только она над своей судьбой властна, – возразил Гаральд.

Его грызла тревога, он не находил себе места.

Со стороны за норвежским принцем наблюдала Анна. И когда рабочий день для трудников завершился и печальный Гаральд ушел на берег Днепра, то такая же печальная княжна Анна последовала за ним. Гаральд сел над кручей. Анна опустилась рядом на траву. Они долго молчали. Потом, как-то тихо, Гаральд запел песню. Анна попросила его петь погромче:

– Это и моя печаль.

Принц внял просьбе княжны:

В юности своей я сражался с дронггейсами.
Их было много: кровь лилась рекой.
Младой царь их пал от руки моей.
Но русская красавица меня презирает.

Анна слушала внимательно. Положив голову на колени, она смотрела на мужественное и красивое лицо норманна и думала о сестре с осуждением: почему она не откроется этому прекрасному витязю? А Гаральд продолжал петь:

Однажды нас было шестнадцать товарищей.
Зашумела буря, взволновалось море,
И грузный корабль наполнился водою.
Мы вычерпали оную и спаслися.
Я надеялся быть счастливым.
Но русская красавица меня презирает.

Анна улыбалась, вспоминая свое сокровенное. Песня звучала:

В чем я не искусен? Сражаюсь храбро,
Сижу на коне твердо, плаваю легко,
Катаюсь по льду, метко бросаю копье,
Умею владеть веслом.
Но русская красавица меня презирает.

Однако песня Гаральда заставила Анну не только улыбаться. У нее появилась обида за сестру. Она сочла, что Гаральд робок перед Елизаветой, та же не могла сама идти ему навстречу. Гаральд не видел обиды на лице Анны и продолжал:

Разве не слыхала она, какую храбрость
Оказал я в земле южной, в какой
Жестокой битве одержал победу

И какие памятники славы моей там остались?
Но русская красавица меня презирает.

– Вот уж неправда! – крикнула Анна, вовсе встав на защиту сестры. – Она никогда тебя не презирала, она просто гордая! Уж мне ли не знать Елизавету!

– Что же ей нужно от меня? – горячо спросил Гаральд.

– Подвигов, о которых она знала бы не из твоих песен, а изуст воинов, тебе близких, и от врагов твоих, – выдохнула Анна.

– Вон что! – воскликнул озадаченный принц. – Выходит, что я еще недостойн ее?

– Сам суди, – ответила Анна. Она нашла камешек и бросила его в Днепр.

Гаральд задумался. Он жил по законам времени, когда нежные рыцари жаловались на мнимую жестокость своих возлюбленных. «Что ж, если тебе нужен не мнимый герой, а истинный витязь, я добуду себе славу», – закончил свой спор с Елизаветой влюбленный принц.

Оставаясь человеком дела, а не слова, Гаральд стал собираться в дальний путь на поиски славы и доблести. И вскоре же после неудачного сватовства царевича Андроника к Елизавете воспрянувший духом Гаральд попрощался с Киевом. На купеческой скиднии, прибывшей в Киев с судами соперника Андроника, он со своими тридцатью воинами уплывал в Царьград на службу к императору Константину Мономаху, который воевал в эту пору с арабами.

Узнав, что Гаральд покидает Киев, князь Ярослав велел остановить судно и сам поспешил на берег Днепра.

– Чем огорченный покидаешь наш двор? – спросил он у Гаральда. – Я ведь сказал, что придет твое время и тогда будет тебе милость от россиян.

Принц умел сдерживать свой горячий нрав. Ответил достойно:

– Не огорчен, князь-батюшка. Елизавету твою люблю пуще жизни. Вернусь на щите во славе и отдам ей свое сердце, свою корону!

– Вон как! Что ж, держать не буду и пожелаю тебе доброго пути, во всем удачи от Бога. Иди и добывай славу. Да береги себя, на рожон не лезь. А дочь моя дождет тебя. Так ею сказано.

– Крылья ты мне подарил этими словами, князь-батюшка! – И в порыве благодарности Гаральд обнял Ярослава.

Елизавета и Анна провожали Гаральда издали, махали платками и были грустны. У Елизаветы роса выпала на глаза, но не пролилась: сдержалась княжна.

Позже Анна первая узнает, что в Царьграде Гаральд вступил в императорскую гвардию, воевал в Африке и Сицилии против неверных, дважды посетил Иерусалим. И где бы он ни воевал, всюду ему светила удача. Когда же пришел час стать королем Норвегии по причине наследства трона, Гаральд дал знать в Киев, что скоро вернется. Но до того дня пройдет больше трех лет.

Той порой Анна поднялась, сбросила с себя отроческие сарафаны и превратилась в прекрасную девушку. Она удивляла всех, кто хоть однажды увидел ее: статью и лицом благородна, взгляд темно-синих глаз привораживал. И вся она излучала тепло, и каждый, кто приближался к ней, ощущал сие тепло. И таял в людских душах лед, и смывались, словно пена, низменные чувства, человек становился добрее, мягче, душевнее. Он забывал порочные помыслы, искал тех, кому нужна была его помощь, и бескорыстно оказывал ее.

Однако, расставшись с отрочеством, Анна не изменилась нравом. Ее ласковые глаза, прикрытые бархатными ресницами, могли загораться озорством и недевической удалью, она с лихостью молодого воина поднималась в седло и давала полную волю самому резвому скакуну из великокняжеской конюшни. Но это случалось не так часто, а лишь в те дни, когда батюшка брал ее на охоту. Больше она удивляла близких своей величественной и легкой походкой, неповторимым поворотом головы, когда золотистые локоны вдруг закрывали ей лицо. А когда она

откидывала их и смотрела на своих родных, то они с удивлением замечали: перед ними стояла вылитая княгиня Ольга. Знатоки женских прелестей, каким был французский сочинитель Пьер Бержерон, сходились в одном: в Анне, как в драгоценном сосуде, воплотилось все лучшее, чем были богаты славянские девы.

– И других, подобных Анне, в мире не сыщешь, – заключал землепроходец Бержерон.

Сама Анна тоже замечала свои прелести, но была ими недовольна и тем делилась с Настеной. Анне казалось, что они мешали ей творить то, что было больше всего ей по душе. Будь она попроще, батюшка чаще брал бы ее на охоту. Скакать на быстроногом степном скакуне за мчащейся сворой собак, пускать стрелу в бегущего оленя или вепря – какое наслаждение! Теперь, однако, ее, как и Елизавету, пытались сделать затворницей, теремной девицей. И великая княгиня Ирина надумала держать при ней уже четырех мамок-боярынь вместо двух. Они же позволяли ей посещать лишь храм да церковную школу, где Анна сама продолжала учиться и вместе с Настеной учила городских детей. Быть может, Анна была бы не так искрометна и рьяна во всем, если бы не было рядом с ней Настены. Они оставались неразлучны вот уже какой год подряд. Настена ни в чем не уступала княжне, когда приходилось вдвоем скакать на конях или зимой кататься на санках с гор, наконец, просто без усталости ходить пешком по холмам вдоль Днепра. В науках же, в познании чужой речи Настена опережала княжну. На торжища в Киев приезжали иноземные купцы. Настена, случалось, кружила среди них и запоминала без особых усилий многое из того, о чем они говорили. Да и в палатах было чему поучиться. У венгерских принцев Андрея – жениха княжны Анастасии – и его брата Левиты Настена научилась их речи, сама добилась того, что они кое-что говорили по-русски.

Так было и тогда, когда в палатах Ярослава Мудрого появились братья-изгнанники Эдвин и Эдвард, сыновья к этому времени покойного английского короля Эдмунда. Однако произношение английских слов давалось Настене с трудом, и она вскоре отступилась от грубых, по ее мнению, братьев, увлеклась французской речью.

Княжна Анна тянулась за своей товаркой Настеной в познании чужой речи. Но пока ей казалось, что она увлекается более важным делом. В те годы, когда великий князь отлучался из Киева с дружиной то на усмирение мазовшан, независимых от Польши и делавших набеги на Русь, то на наведение порядка на рубежах с литовцами и ятвягами, государственные дела исправляла великая княгиня. А первой ее помощницей и советчицей была Анна. Не все сказанное дочерью умудренная жизнью великая княгиня принимала и пускала в оборот, но многие советы Анны были разумны и обретали жизнь. Это она подсказала матушке, чтобы при росписи стен собора Святой Софии иконописцы написали лики самой великой княгини и всех ее дочерей.

– Так делают в Византии, матушка. Берестовский отец Илларион тому очевидец, – подкрепила Анна свой совет веским доводом.

– Я вняла твоим увещеваньям, доченька. Как встречусь с владыкой, так и донесу ему наше желание.

Митрополит всея Руси Феопемид воспротивился было тому. Выслушав великую княгиню, в немалом смущении изложившую свою просьбу, он хоть и в мягких словах, но отказался уважить ее.

– Ты, матушка великая княгиня, и сама знаешь, что в храмах возносятся в образа только достойных святости. Вот лик святой Ольги мы вознесем. А ежели придет ваш час и церковь получит вещание, тогда и вас увековечат.

Ирина была донельзя смущена и корила Анну за то, что та толкнула ее идти к митрополиту. Феопемид, как показалось ей, был справедлив в отказе.

– Прости, владыко, что пришла беспокоить тебя невесть с чем, – оправдывалась великая княгиня.

Сухой по природе своей Феопемид ничем не утешил княгиню Ирину. Но кончилось все тем, что тайно от великокняжеской семьи с митрополитом встретила Настена. Он знал, что это внучка берестовского священника Афиногена и правнучка греческого митрополита Михаила, что она наделена Божьей силой ясновидения, и выслушал Настену с почтением. Она же сказала немного:

– Ты, святейший, исполни волю великой княгини. Ее в грядущем причислят к лику святых. И дочери княгини идут по стопам святой Ольги. Сие достойно памяти русской православной церкви.

Строгий нравом Феопемид смотрел на отважную деву с уважением. Обычно суровые черные глаза его светились теплом. Сказал он в ответ всего лишь три слова:

– Тебе верю. Аминь.

Позже Ирина и ее дочери Елизавета, Анна и Анастасия были увековечены при росписи храма Святой Софии.

Сразу же после освящения лучшего творения времен Ярослава Мудрого, собора Святой Софии, началось возведение монастыря Святого Георгия. Анна, как и ее родители, любила черноризцев за их подвижнический образ жизни. И когда возводили в монастыре храм, кельи, трапезную, хлебодарню, Анну часто видели среди работных людей. И если они в чем-то нуждались, она помогала им. Иногда, в часы сердечной тоски от неразделенной любви к Яну Вышате, коя накатывалась на Анну, она сама готова была уйти в монастырь. Примером тому служила бабушка Рогнеда, что в расцвете лет ушла от мирской жизни и закончила дни свои в обители под Полоцком.

Ян Вышата в те горестные для Анны дни был в дальнем походе. Он шел с новгородской дружиной князя Владимира на край земли Русской, дабы образумить финнов, кои пытались вырваться за пределы своей бесплодной земли. Свою сердечную боль Анна поверяла только Настене. Случалось это тихими летними вечерами, когда парубки и девицы выходили на берег Днепра и там водили хороводы.

– И я бы с ними повеселилась, ежели бы любый был рядом, – жаловалась Анна. – Господи, какая же я несчастная! Нет бы родиться мне, как вот ты, у простых матушки с батюшкой или хотя бы в боярской семье. То-то была бы вольна...

– Полно горевать! Да в боярской семье тебе меньше было бы волюшки, чем при твоём батюшке, – утешала Настена Анну. – А ежели хочешь в хоровод, так идем со мной. Да не пристало тебе отныне в простых забавах резвиться.

– Ах, Настена, что тебе чужие горести!

– То так, – согласилась без обиды судьбоносица.

– Вот тебя присушит любый, и ты вольна семеюшкой¹⁴ ему быть. А я словно полонянка: кому батюшка пожелает отдать, тому и служить мне. То ли не рабыня? Вон венгерский петух кружит в палатах, к батюшке с матушкой подкатывается, дабы заручиться их словом. Еще немецкий принц журавлем вышагивает. Мне бы волю, так я бы их всех метлой прогнала. А там бы Янушку ненаглядного до закатных дней миловала...

Настена полулежала на траве, смотрела в глаза Анне так пристально, что княжна смутилась и замолчала. Товарка сказала ей:

– Правду тебе должно знать, Аннушка: ты не однолюбка. И вины твоей в том нет: все Аннушки подобны тебе. Потому как по весне днепровские воды смывают все прошлогоднее с берегов, так и твое сердце омоется вешним соком новой любви.

Анна от такого откровения Настены опешила да тут же прогневалась:

– Зачем чепуху городишь? Говори, что сие неправда!

---

¹⁴ Семеюшка – жена, хозяйка.

Анна встала. Поднялась и Настена, посмотрела на Анну таким взглядом, что княжна поняла: сказанное судьбоносицей – правда, но бунт в душе княжны еще не угас, с криком: «Несмываема моя любовь к Яну, знай о том!» – она побежала к реке, вошла в воду, что-то высматривая в ней. Увидела лишь камешки под ногами.

– И чего это ты ищешь в днепровской глубине? – спросила Настена, спускаясь к воде.

– А вот и не скажу, – еще сердитым голосом ответила княжна.

Да гнев ее на товарку уже погас, и теперь она хотела, чтобы Настена заглянула за окоем и показала ей судьбу Яна Вышаты.

Настена тоже думала о Яне Вышате, но ей не хотелось ничего показывать Анне. Знала, что увиденное княжной сильно повредит ее здоровью. И вместе с тем что-то подсказывало Настене, что Анна должна пройти через тернии, а иначе все может быть хуже. Из двух зол ясновидица должна была выбрать меньшее и сочла, что меньшим будет та правда, которую Анна вот-вот узнает. И, вознеся молитву к Софии Премудрости, Настена вошла сажень в десяти от Анны в воду и шла, пока она не достала ей до пояса. Сильное течение вымывало из-под ног песок, и стоять было трудно, но Настена не обращала на то внимания, разгребла перед собой руками воду, склонилась к ней с молитвой и замерла, вглядываясь в то, что несла живая днепровская вода. Увидела она многое. Мчались вниз по стремнине белокрылые ладьи, и на одной из них стоял молодой богатырь Ян Вышата, а на другой, что летела за ним, прижавшись друг к другу, стояли Анна и сама Настена. «Господи, а мы-то зачем следом за Яном? Или судьбе так угодно? Да что ж, смотри теперь до упора». И ясновидица склонилась к воде ниже. А там уже в виду Царьграда шла морская битва. На ладьи русичей летели как на крыльях боевые греческие скиднии, триеры, дромоны. И низвергался с них на русские суда смертоносный огонь. Все перед глазами Настены полыхало в пламени. Но ладья Яна Вышаты выскочила из огня невредимая и двинулась навстречу скиднии, на которой стоял сам император Константин Мономах. Как только сблизились суда, Ян Вышата перескочил через борт скиднии и, выхватив меч, пошел на императора. Перед ним возникали телохранители Константина, но ловок и силен был Ян Вышата и прорубал себе путь. Сошлись два витязя, скрестили меч и бились, ни в чем не уступая друг другу. Но вскинулась чья-то рука с копьем и нацелилась Яну в спину.

Настена в этот миг закрыла лицо руками, дабы не видеть, что будет дальше. Но некая властная сила заставила ее смотреть в воду, и, как должно, она увидела летящее копье и то, как Ян Вышата упал. Настена отшатнулась от воды и в тот же миг услышала крик Анны, которая давно подошла к ясновидице и, стоя рядом, видела в речной пучине все, что узрела ее судьбоносица.

– Нет! Нет! Тому не быть! Никогда не быть! – И Анна с силой начала бить руками по воде. – Обман! Все обман!

Настена опомнилась, обняла княжну и увлекла ее из воды на берег. Они поднялись на взгорье, и обессиленная Анна упала на траву. Она долго лежала без движения, потом медленно повернулась к Настене и сурово спросила:

– Зачем ты вызвала видение без моей на то воли?

Настена хотела сказать, что у Анны нет на то воли, но сдержалась. Подумала и о том, что хотела посмотреть одна и вовсе не предполагала, что Анна возникнет рядом. И этого не сказала. «Теперь уж ничего не исправишь, и несчастной княжне придется испить эту чашу до дна». И Настена, опутившись возле Анны, попросила у нее прощения:

– Не казни меня, любая, не казни. Думала, как лучше... – Она прикоснулась рукой к плечу Анны и погладила его.

Княжна встала. Мокрый сарафан прилип к ее ногам, она одернула его, посмотрела на Настену уже миролюбиво и произнесла:

– Что уж там. У судьбы возвратной дороги нет. А теперь мокрым курицам пора в терема.

И Анна побежала – легко, свободно. Настена, которая трусила следом, была озадачена поведением княжны, а поразмыслив, даже порадовалась. Заглянув в будущее, Анна нашла в себе силы одолеть отчаяние, остаться прежней – жизнелюбивой и милосердной.

Глава четвертая

Побег от женихов

Стольный град великой Киевской Руси в лето 1040 года, как никогда ранее, заполнили иноземные гости и купцы. Не проходило и недели, чтобы в Киеве не появился со свитой какой-нибудь граф, принц, герцог из западных держав. Большинство из них приезжали на поиски невест из великокняжеского рода, а то и просто из княжеских родов. Это давало себя знать, как говорили досужие русичи, поветрие той поры, которое гуляло по Европе. У великокняжеского подворья с утра до вечера толпились сводницы и даже сводники, которые любому иноземному жениху подыскивали бы достойную невесту. В терема их не пускали, и они ловили каждое слово оттуда, цену ему давали, пытаясь найти тайный смысл даже там, где его не было. На поверку выходило, что ехали на Русь не только женихи, но и обеспокоенные разными событиями вельможи. И гуляли по городу слухи один нелепее другого. Купцы, выдавшие разные страны, говорили, будто гости табуном мчат на Русь по той причине, что на западные державы нахлынули из аравийских пустынь сарацины и сельджуки и покорили все земли от Италии до Англии и Норвегии. И некуда вельможам Германии и Франции бежать, как только к могущественному великому князю Ярославу Мудрому. И то сказать, многие принцы и королевичи не понаслышке знали, как умеет князь Киевский привечать гостей. Он их холил и тешил. Жили они при нем как у Христа за пазухой, ели-пили вдоволь, на пирах гуляли, для них устраивались потехи, охоты на дикого зверя.

Умудренные жизнью городские старцы утверждали, что иноземцы не только ищут на Руси пристанища, но будут просить помощи от великого князя, дабы вместе встать против орд кочевников. Так и перекачивались досужие вымыслы, словно волны на Днепре в ветреную погоду, пока наконец не проявилась старая и забытая истина.

Как-то пришли в Киев торговые люди из Дании. Бывали они на Руси не раз, славянскую речь понимали, сами могли сказать нужное. И поведали они киевским торговым людям о том, что год назад появился в Брюсселе французский путешественник и сочинитель Пьер Бержерон. Говорили, что он был принят королем Канутом Великим. У того был сын в возрасте. Так тот сочинитель Бержерон будто бы присмотрел для принца невесту на великокняжеском подворье Ярослава, потому как у князя якобы семь дочерей, и все красавицы. Вспомнили киевляне, что года два назад и правда бродил по городу некий бойкий остробородый иноземец, ко всем примерялся, обо всем расспрашивал, все записывал. Да часами любовался на семейство великого князя, когда он со своими княжатами и княжнами, племянниками и племянницами укладывал камень на крепостную стену. Видели, как француз млел от восторга, восхищаясь княжной Елизаветой, да и на младших красавиц заглядывался. Однако справедливые киевляне обиделись на Пьера: лишних дочерей насчитал у Ярослава француз, о сыновьях же ни слова молвы не пустил. «Наши княжата любую королевну за милую душу засватали бы», – утверждали досужие торговые люди.

Вскоре киевляне узнали, что Ярослав Мудрый отказал королю Дании, не отдал за его сына Елизавету и ни с кем из сватов речи о ней не вел, будто и не было у него такой дочери. Обещал благословить Елизавету на брак с принцем Гаральдом и слово свое держал крепко. Так что со старшей дочерью у князя мороки не было. И случилось это после того, как великий князь узнал, что норвежский трон после смерти короля Олофа Святого перейдет к принцу Гаральду. Горожанки по этому поводу сказали просто: «Елизавета – отрезанный ломоть. А вот с Аннушкой наш Ярослав-батюшка помается», – утверждали они.

Так и было, потому как любимица Ярослава приносила ему с каждым днем все больше беспокойства. То, что в свои юные годы Анна была самой красивой невестой в Киеве, Ярослав

не сомневался. Знал он, что любой княжеский или боярский сын, однажды увидев княжну, загорался неугасимой страстью. По мнению батюшки Ярослава, его средняя дочь была не только красива, но и умна. И не каждому молодому вельможе доступно было вести с Анной разговор на равных. Уж как он сам был искусен в книжной грамоте и в рассуждениях, но случалось, что дочь и его озадачивала своей премудростью. Радовала она отца и державностью своего ума. И когда в Киеве появились иноземные женихи, дабы получить в жены княжну Анну, Ярослав был тем очень доволен. Правда, как рачительный хозяин, он не хотел продешевить и отдать Анну первому подвернувшемуся королевичу. Он даже сыновьям искал выгодные партии. Для сына Изяслава высватал дочь польского короля Мешко Второго, Гертруду. А сына Всеволода женил на дочери самого византийского императора Константина Мономаха. Конечно, на всех сыновей не нашлось невест царского и королевского рода. Но и Святославу и Всеволоду князь нашел достойных супругов из именитых графских родов. Знал Ярослав, что, вступая в родство с королевскими и графскими фамилиями, он возвеличивал Русь. Добиваясь своей цели, Ярослав был упорен и тверд. Никто из детей не смел перечить ему, когда он решал их судьбу. Лишь со стороны Анны он встретил сопротивление. Анна позволяла себе многое, что не нравилось Ярославу, и он мирился с этим. Правда, пока ее вина перед батюшкой была терпимой.

Минувшей зимой, как показалось Ярославу, Анна увлеклась знахарством. Как-то перед Рождеством Христовым она приглашала на торжище к храму Святой Софии. Там по базарным дням появлялись торговые гости из Византии. Они продавали церковную утварь, и, случалось, Анна покупала у них то красивые медные подсвечники, то хрустальные лампы. На сей раз она увидела рукописную книгу. Полистала и узнала, что это поэма о растениях монаха Одо из Мены-на-Луаре. Она была написана по-латыни, живым языком общения, тем, какой Анна изучала в церковной школе с двенадцати лет. Княжна купила книгу, поспешила в терема и, уединившись, взялась за чтение. И с каждой минутой она открывала простой и доступный мир врачевания многих болезней и ран, полученных в сечах. Она удивлялась богатырской силе неприхотливых растений. Вот ода «Укропу». Анна читала ее как былинку:

Пепел корней, говорят, отличается резкостью большей,
Ткани мясистые он разъедает, растущие в ране,
Лечит ползучие язвы и грязные раны врачует.
Выпьет отвар из укропа кормилица – даст в изобилье
Он молоко ей, и часто он гонит болезни желудка...

Прочитав еще несколько од могучим растениям, Анна поспешила к отцу, чтобы поделиться с ним лекарской находкой, почитать ему, что он сочтет желанным.

Был ранний зимний вечер. Ярослав уже посоветовался о делах с боярами и воеводами и отдыхал в любимом книжном покое. Он сидел в византийском кресле у очага и думал. Анна подошла к нему и опустилась рядом на лавку.

– Батюшка, вот книга, полная чудес. Я купила ее у храма Святой Софии. Можно, я почитаю тебе?

– Покажи, однако, – сказал Ярослав и, взяв у Анны книгу, открыл ее, но читать не смог: не знал латыни. Но нарисованные яркими красками растения насторожили его. – Как смела ты купить сию колдовскую книгу?! – воскликнул он. – Вот мак! Он отравлен. Зерна его в сон вгоняют смертельный! – Пролистав несколько страниц, князь снова гневно воскликнул: – Сие рута! Она ядовита! К ней прикоснешься – тлен испускает тяжелый. Прочь сию книгу из терема! В огонь ее! – И Ярослав нацелился бросить поэму в очаг.

– Не надо, батюшка! – крикнула Анна и перехватила книгу. – Да, здесь рута и мак описаны. В книге же сказано, как от их яда спастись. Как не знать об этом!

Великий князь стал редко терпеть возражения. С годами – а ему шел шестьдесят третий год – эта черта нрава преобладала над разумом в минуты ярости. И он закричал:

– Не перечь мне! Сказано – в огонь, и быть тому! Ты хоть и любая дочь, но чародейства близ себя не потерплю! – И Ярослав ловко вырвал книгу из рук Анны и бросил-таки ее в очаг.

Но в мгновение ока Анна подскочила к нему и вырвала книгу из огня, который не успел ее охватить.

– Батюшка, как мог ты бросить священную книгу в пламя?! Она же от Бога. – Анна торопливо раскрыла книгу. – Ты послушай, послушай, ради Христа, что здесь написано. – И Анна взялась читать: – «Средь исполинских растений, вздымающих стены высоко, дивный раскинулся сад, он и хозяину мил. Здесь из различных семян растут жизненосные травы. Свойства целебные их нам исцеленье несут. Здесь от недугов любых средство открыто тебе. Знай же, что сад – это неба частица, где правят боги; ведь травам дано самое смерть победить!» – Анна закрыла книгу. – Не серчай на меня, батюшка. Ведомо мне, что за миром приходят войны. И я поручу дворовым мастерицам готовить мази и отвары по этой книге впрок.

Ярослав, похоже, выслушал дочь, но сказал совершенно неожиданное для Анны:

– Уходи с глаз. Твое непокорство неумно. Потому быть тебе вскорости замужем.

Анна ушла. Она нагнула голову, но шаг был твердый, о такой не скажешь, что она убожалась отцовской угрозы. Ярослав покачал головой и остался наедине со своими нелегкими думами, перебирая в памяти имена знатных гостей, дабы выбрать супруга, достойного дочери. Но воспоминались женихи с трудом, и за каждым именем он находил какой-либо изъян и, умаявшись от тщетных поисков, задремал.

Прошло полгода, а те зимние думы не развеялись, стали гуще, сумрачней. Но к лету, как показалось Ярославу, он увидел просвет. Еще по весне князь отправил в Германскую землю послов, чтобы узнать от короля Генриха его побуждения по поводу своего вдовства. Послы вернулись ни с чем, потому как Генрих смирился с долей вдовца, а наследники у него были. И тогда Ярослав решил выдать Анну за сына английского короля Эдмунда Железный Бок. Сей сын Эдвин и брат его Эдвард уже больше года находились на Руси в изгнании по воле своего дяди, нынешнего короля Канута, занявшего престол брата Эдмунда.

Принц Эдвин еще год назад добивался руки Анны. Когда сватовство не состоялось, Ярослав попросил Эдвина и его брата пожить в Новгороде у князя Владимира, подождать лучшей «погоды». Ярославу показалось, что такая погода наступила, и он на всякий случай послал гонца в Новгород за братьями. Жили в Ярославле сомнения. Он не мог утверждать, что английская корона достанется Эдвину, потому отваживался на риск. Знал Ярослав, однако, что Анна терпеть не могла этого грубого и лицом и нравом принца и не будет с ее стороны доброй воли стать его женой. Да тут уж Ярослав готов был проявить всю силу отцовской власти. Ведал он, что Анна уже какой год вздыхает по молодому воеводе Яну Вышате, младшему сыну новгородского боярина, который еще в княжение Ярослава в Новгороде был при нем воеводой. Сыновья у Савватая, что Глеб, что Ян, были богатыри, и умом Господь их не обошел. Положа руку на сердце, великий князь признался бы, что Ян Вышата мил ему: отважный воин, роду достойного да и лицом пригож. Не отрицал Ярослав того, что Ян Вышата похож на древнегреческого бога, высеченного из мрамора, коего византийцы привезли однажды на продажу в Киев. Голова у Яна золотыми кудрями украшена, глаза есть камень лазурит, на пламени согретый. Щеки словно яблоки румяные. И ростом вымахал под матицы, и силой Бог наградил. Мимо такого богатыря ни одна девица не пройдет, не сомлев от страсти. Вот и Анна споткнулась на нем. Поначалу и сам Вышата возомнил, что ему можно паять глаза на великокняжескую дочь. «Ой, Ян, как смеешь зариться на чужое добро?!» – подумал однажды Ярослав и с глазу на глаз высказал молодому воеводе свою волю: «Ты, Янка, не ищи того, чего не потерял. Анна не про твою честь. А ежели пойдешь на рожон, то добра себе не сыщешь!»

Ян Вышата был честный и мужественный воин, признался Ярославу:

– Каюсь, князь-батюшка, сохну по славной девице, а что делать – не знаю.

– Я за тебя ведаю. Не быть тебе отныне в Киеве. Тысяцким ставлю, и пойдешь к земле Булгарской. Там болгары вольничают, усмирить надобно. И тебе сие посильно.

– Как велишь, так и исполню, князь-батюшка, – покорно ответил Ян, зная, что никогда не будет того, чтобы любая ему Анна стала его семеюшкой.

– В субботу поутру и уходи. Воины тебе будут готовы, – предупредил великий князь.

И летними погожими днями, когда вокруг Анны кружили женихи, Ян Вышата ушел с дружиной старшего брата к рубежам Камской Булгарии.

Однако все повернулось не так, как задумал великий князь. Не ведал Ярослав истинной твердости нрава своей дочери. Она отчаянно пошла наперекор своему отцу, не вняла никаким увещаниям матушки. Узнав, что батюшка отправляет Яна Вышату к берегам далекой Волги, Анна отважилась уйти следом за ним. На тот дерзкий шаг ее побудила не только разлука с любимым. В эти летние дни вернулись из Германской земли посланники Ярослава. Они ушли от немецкого вдовца ни с чем. Дошел до Анны слух, что он боялся молодых и красивых женщин, потому предпочел жизнь вдовца. Когда посол Ярослава рассказал королю о прелестях княжны Анны, а в конце добавил, что она смела, любит охотиться на вепрей и буйволов, что метко стреляет из лука и крепко держит в руках меч, Генрих выпроводил посла из замка, сказав на прощание:

– Благочестивому королю такая жена не нужна. Она как язычница. И я не удивлюсь, если узнаю, что сия княжна отрубила мужу голову и отнесла ее на жертвенник.

Услышав от послов пересказ из неметчины, великий князь вознегодовал на Генриха:

– Он оскорбил меня, рыжий дьявол! Да буду ратовать за то, чтобы пожалел.

На дочь Ярослав тоже рассердился. При этом досталось и великой княгине Ирине:

– Это твоя кровь испортила девицу. Варягам всегда только бы разбойничать, народы смущать, и она от них не далеко ушла.

Ирина умела хранить спокойствие:

– Ты, князь-батюшка, не гневайся на доченьку. Все, что в ней есть – хорошее и плохое, – от твоей прабабки Ольги да от матушки Рогнеды. Потому надейся: придет час, и все в ней прорастет добром.

Чуть позже у Ярослава появится повод упрекнуть супругу за эти слова. А пока великий князь пригласил в терема английского принца Эдвина и повел с ним беседу о помолвке и свадьбе:

– Ты, принц Эдвин, давно добивался руки моей дочери Анны. Ежели жажда не угасла, мое согласие ты получил.

Эдвину польстило расположение к нему государя великой державы. Но он не понимал, что заставляло Ярослава Мудрого породниться с будущим государем бедной и маленькой страны. И сам он уже поостыл к прекрасной русской княжне. Он знал, что если ему даже удастся жениться на Анне, то их брак не назовут счастливым, потому как она никогда не полюбит его, некрасивого мужлана. Однако принц знал и то, что, если вино раскупорено, его надо пить. К тому же нищий принц надеялся получить за Анной богатое приданое. Понимал он и другое: породнение слабого и бедного английского королевства с Русью сулило многие выгоды и блага. Как бы далеко ни были острова Англии от великой земли, русы оказали бы его родине помощь. Какой она могла быть, Эдвин не знал, но верил, что Ярослав Мудрый не оставил бы свою дочь в беде. И он ответил:

– Князь-государь, ты велик во всем. Ты дал нам, изгнанникам, кров и пищу, ты ободрил нас надеждой. Мы верим, что с твоей помощью вернемся на родную землю и я по праву займу престол. И если рядом со мной будет твоя прекрасная дочь, смею сказать, что судьба не обделила меня милостью.

Ярослав и Эдвин еще обговаривали действия, как превратить княжну Анну в английскую королеву, как она, узнав о сговоре отца и английского принца, вознегодовала. «Видеть не могу этого чурбана! – воскликнула она. Да повинилась за глаза перед батюшкой: – Прости, родимый, но по-твоему не быть». И выбрала себе иной путь, ступила на него. У Анны были друзья и воздыхатели в дружине Глеба Вышаты, и кое-кто из них не ушел в поход. Все они были хорошо знакомы и Настене. Еще не остывшая от негодования, Анна позвала Настену в свою опочивальню и рассказала обо всем, что замыслила, дабы не стать женой Эдвина. Она знала, какой гнев обрушится на ее голову, когда задуманное ею станет ведомо отцу. Но уже ничто не могло ее остановить.

– И потому сейчас ты поезжай в Вышгород, – продолжала Анна начатый разговор, – там найди гридней Полюда и Олдана – новгородцев, еще Анастаса и скажи им, чтобы они к полночи были конными в посадке на подворье воеводы Обыслова. Там, на Почайне, и будете ждать меня. Еще скажешь Обыслову, чтобы снабдил воинов брашном на дальний путь.

– Велено – сделаю, – ответила Настена, но предупредила: – Токмо ты, любая, делая первый шаг, думай о последнем. Чтобы из близких к тебе никто не пострадал от гнева великого князя. Да и сама ты сумеешь ли выстоять перед батюшкой, когда твоя вольность дойдет до него.

– Господи, Настена, ты считаешь, что я из каприза взбунтовалась. Думала я, и не одну ночь. Преданием живу. Бабушка Рогнеда смогла уйти от мужа, ставшего ей нелюбим, нарушившего верность семье.

– А когда надругался, так и оружие на него подняла, – добавила с улыбкой зеленоглазая Настена.

– И я подняла бы, – отозвалась Анна. – Мне же грех на душу не брать, уходя от нелюбимого жениха.

– Но ты престопаешь волю батюшки. – Внучка берестовского священника была сильна в прозорливости. – Он же того не потерпит, хотя ты ему и любя.

– Не потерпит, то мне ведомо, – согласилась Анна. – Но что мне делать, вещунья?

Настена погладила Анну по спине. Ее судьбу она знала до исхода, потому сказала без сомнений:

– Иди своей стезею. Живи сердцем. Оно в побуждениях от Бога и посему не обманет.

– Спасибо, ладушка. С тобой я ничего не боюсь. Теперь в путь. И успеешь ко времени. Я же приготовлю воинскую справу.

Настена переживала: возьмет ли Анна ее с собой? В глаза княжне заглянула. Анна улыбнулась:

– Господи, и ты пойдешь со мной. Вижу твою жажду. В гридня, однако, переоденься.

Товарка ничего не ответила, лишь кивнула головой и скрылась за дверью. Анна молила Бога, чтобы дал ей удачу в пути. Она знала, что до Вышгорода, где стояла дружина Глеба Вышаты, конному полчаса пути, пешему – три. А Настена, легкая в седле, птицей долетит до городка. И потому Анна не мешкая принялась за сборы в дорогу. Она не раз собиралась в дальний путь и вскоре была готова покинуть терем. Оставалось малое: обвести вокруг пальца мамок Степаниду и Феофилу. Но и это не составило труда. Выйдя из опочивальни, Анна повела им:

– Идите в мыльню, велите топить ее да проследите, чтобы жаркая была. Как солнце скроется, так мыться буду. Завтра с суженым встречаюсь. – И Анна улыбнулась мамкам.

Нудная и желчная Степанида и себе на уме Феофила переглянулись, плечами пожали, потому как никогда подобного не случалось, чтобы Анна отправляла их за дворовыми надзирать.

– Не наша это справа, матушка-княжна, – попыталась возразить Степанида. – Вот и Феофила о том скажет.

– Мы сейчас девок пошлем, – отозвалась Феофила.

Анна поняла их смятение и упрямство, топнула ногой и жестко сказала:

– Вижу, опять перечить готовы! Надоели вы мне, и завтра у батюшки попрошу дать покладистых мамок! А ну с глаз долой!

Боярынь как ветром сдуло из покоя.

Анна вернулась в опочивальню, быстро переоделась во все воинское, кольчугу надела, печенежской саблей препоясалась, темный плащ с капюшоном накинула на плечи, помолилась образу Божьей Матери и покинула палаты. Она успела выйти из ворот княжеского подворья, пока их не закрыли на ночь. И городские ворота миновала без помех, потому как таких молодых ратников в княжеской дружине было много. Оказавшись за крепостной стеной, Анна поспешила к речке Почайне, спустилась на берег и там укрылась в малой пещере, коих тут было множество. Вход в пещеру зарос кустарником, и найти его было трудно. Потому Анна сочла себя в безопасности от посторонних глаз. Ей оставалось дожидаться полночи, зайти на подворье воеводы Обыслова, подняться в седло и вместе с Настеной, с воинами умчаться к переправе на Днепр, уйти в степи, все на восток, на восток, вслед за любым. «А там пусть все течет, как Богу угодно», – подумала Анна, усевшись на камень близ входа в пещеру и перекрестившись.

Ей была видна река и быстрое течение, она видела, как кружились сверчки-воронки, улетающие к полным водам Днепра. И Анна вспомнила, как переплывала могучую реку, когда впервые хотела удивить любого ей Яна Вышату, и как ей было отрадно, когда он нес ее на руках.

Глава пятая

Свидание в степи

Ярослав Мудрый узнал о побеге Анны лишь к полудню следующего дня. Правда, его удивило, что Анна не появилась на утренней трапезе, ибо ранее это за княжной не водилось. Боярыни Степанида и Феофила, смертельно перепуганные, искали ее всю ночь и полдня. Вначале они, словно оглашенные, бегали по всему подворью, обыскали все хозяйственные службы, спускались на берег Днепра, поднимались на Священную гору, где в былые времена высилось капище языческих богов. Потом, уже на рассвете, Степанида убежала в Вышгород, а Феофила бегала по Киеву, по домам тех вельмож, к коим иногда заходила вместе с Анной. В полдень, усталые, почерневшие от страха, они ввалились в покой великого князя, упали на колени и согласно возопили:

– Батюшка-князь родимый, вели нас казнить: твое дитя Аннушку мы упустили! Пропала она!

Ярослав без сомнения поверил сказанному, и екнуло от страха сердце отца, спросил залубеневшим языком:

– Как пропала, мамки? Куда могла деться?

– Не ведаем, милосердный, – ответили мамки вместе.

– Как не ведаете? Да я с вас шкуру спущу? – гневно крикнул великий князь. – Толком говорите, как все было!

И Степанида взялась пояснять:

– Вечером, как еще солнце не село, повелела она истопить мыльню. Мы было воспротивились, девок думали послать. Она же топнула на нас и велела быть при мыльне, пока истопят. А как мы приготовили жаркую да вернулись в терема, ее и след простыл. Вот и все, что нам ведомо, батюшка милосердный. С того часу и искали по всему Киеву.

– Только летник в опочивальне и нашли, – добавила Феофила, размазывая по лицу обильно текущие слезы.

Боль в груди Ярослава уже прошла, но нахлынули страсти, гнев опалил лицо. Да усмирил себя князь, не накричал на мамок, понял, что они невиновны, по покою из угла в угол забежал, дабы огонь в сердце унять. Да быстр был на разгадку, поднял на ноги боярынь, повелел:

– Зовите Ивара Ждана! Да сей же миг чтобы у меня был!

Воевода Ивар Ждан оказался скор на ногу, вломился в покой Ярослава, как лось.

– Князь-батюшка, что повелишь?

– Коня мне. Сотню – в седлю!

Ивар Ждан был сотским великокняжеских гридней уже несколько лет. Бесстрашный, сметливый воин-новгородец знал давно, как исполнять волю великого князя. И потому, когда побежал на его зов, велел десятским поднять воинов, оседлать коней и стоять в строю на хозяйственном дворе.

– Батюшка Ярослав, сотня в строю! – выдохнул Ждан. – Сей миг и коня подам! – И убежал из палат.

Через несколько минут все близкие Ярослава, все придворные высыпали во двор, немые от страха и беспомощные, проводили великого князя в погоню. Княгиня Ирина, держась за стремя, повторяла:

– Верни ее, негодницу, верни, батюшка. Она, поди, за Яном Вышатой увязалась.

Возле Ярослава Мудрого кружил принц Эдвин, надеясь, что и его позовут на поиски Анны. И даже выразил желание:

– Великий государь, позволь и мне идти в степь.

– Нет, королевич, ты волен ждать или не ждать меня, но в путь не возьму. Дело тут семейное...

Сотня Ярослава покинула Киев через северные ворота и на рысях ушла к переправе на Днепр. За рекой Ждан с лазутчиками взяли след дружины Глеба Вышаты и повели воинов на восток. Три дня и три ночи, не зная отдыха, Ярослав погонял своего коня и понукал Ждана:

– Вперед, вперед! Догнать беглянку!

Лишь на четвертый день Ярослав настиг маленький отряд беглецов близ селения Рыльск, что на реке Сейм. Они остановились на ночь на крутом берегу в рощице. С рассветом приготовились в путь, и в это время Анастас-псковитянин заметил конников, идущих рысью.

– Княжна, там воины! Видно, наши. – И, улыбнувшись, добавил: – Похоже, что преследуют кого-то.

Анна поняла, кто и кого преследовал. И хотя она ведала, что ей грозит от отца, и мужественно готовилась к этому, сердце ее зашлось от страха. Знала Анна, каким бывает отец во гневе, и увидела себя заарканенной и брошенной на круп коня. «Нет, тому не бывать», – мелькнуло у нее. И природная дерзость, отчаяние от порушенной любви толкнули ее на поступок, какой в ее годы не каждому дано свершить. Она посмотрела вдаль, увидела, что впереди на сером жеребце Буяне скачет отец, и побежала к реке, успела достичь обрыва и встала над ним. Далеко внизу катил свои воды Сейм. Там было ее спасение и гибель. Шаг – и она уйдет от принудительного замужества с нестерпимым ею принцем Эдвином, уйдет от потери отчей земли. Она увидела бабушку Рогнеду, стоящую на коленях со склоненной головой, и деда Владимира с занесенным над нею мечом. Гордая Рогнеда без стенаний отдавала себя на гибель. Что ж, и она не дрогнет, утвердилось в своем поступке Анна. И, когда ее отец был в тридцати шагах от нее, она крикнула:

– Батюшка, стой! Стой, родимый! А не то прыгну в прорву!

– Не гневи отца! – крикнул Ярослав, но осадил коня.

Следом за ним остановились и гридни. Князь знал, что дочь не просто захотела его прыгнуть, она способна была прыгнуть с обрыва. В Ярославе все кипело от гнева. В какой-то миг он подумал, что Анна не решится на невозвратный шаг, и уже было рванул коня, дабы плетью повергнуть дочь под ноги Буяна. Но в это мгновение, словно птица с неба, возникла перед князем товарка Анны Настена. Он помнил, что у нее были зеленые глаза, но тут они показались князю оранжевыми, жгучими, будто угли на жаровне. Она взмолилась, но в голосе прозвенел металл:

– Князь-батюшка, остановись, ради бога. Лишь милость твоя к дочери пойдет тебе и ей во благо!

– Как смела встать на моем пути?! – крикнул Ярослав и замахнулся плетью, да не ударил: рука не слушалась разума во гневе. Однако и гнев схлынул, осталось лишь удивление. – Говори суть!

– А ты, князь-батюшка, сойди с коня. Тайное поведаю, – еле слышно сказала Настена.

Ярослав услышал произнесенное шепотом, хотя и был туговат на ухо за возрастом. Спешился, подошел к ясновидице.

– Ну, что у тебя?

– Внимай, князь-батюшка. – Настена взяла Ярослава за руку, положила его ладонь на свою. Смотрела на князя твердо, рта не открывала, но он уловил слова, летящие откуда-то с горных высей, и это был голос Настены: – Ты слушаешь Судьбу. Говорю тебе: исполни сказанное мною, и все твои чаяния сбудутся. Твердости Анны тебе не одолеть. Потому не упрекай ни словом, ни намеком и отпусти ее следом за Яном, дай ей полсотни воинов. Судьба говорит тебе: дочь твоя Анна, в крещении Анастасия, будет королевой Франции.

Ярослав смотрел на Настену, не спуская глаз. Он понимал, что слышит ее слова, но они исходили не от нее, а с небесной лазури. Наконец он собрался с духом и спросил:

– А что же Вышата? – Ярослав по-прежнему не спускал глаз с Настены. Он видел ее правдивые, чистые, теперь зеленые глаза. – Ведь срам падет...

– Сраму не будет: судьба Вышаты нам ведома, – произнесла Настена. – Но тебе, князь-батюшка, знать того не следует. В твоих руках его жизнь, но не рок. Меня же не казни за сказанное, ибо ты слышал, чьи уста с тобой говорили.

Великий князь в эти минуты был светел умом, и теперь он видел, как Настена произносила слова, и вновь подверг сомнению сказанное провидицей. Он ответил, как того желала Настена:

– Я прощаю дочь и потворствую ей по твоей воле. Зови ее.

И Ярослав отвернулся от Настены, от дочери, стоящей на крутояре, и провел ладонями по лицу, будто смахивая с него некое наваждение.

Все эти долгие минуты, пока ее судьбоносица Настена вела разговор с отцом, Анна стояла над обрывом в напряжении, будто камень, катившийся в пропасть, но удержанный на мгновение какой-то неведомой силой. Но вот Настена повернулась к ней и приблизилась. Анна увидела на ее лице незнакомое ранее выражение, словно перед нею была старая и умудренная жизнью женщина, какую она однажды увидела в далеком сне.

– Иди к батюшке. Ты прощена и вольна, – сказала Настена и, сев на траву, спустила ноги с обрыва.

В полдень Ярослав и Анна расстались. Прощаясь, дочь проговорила:

– Батюшка, спасибо, что сменил гнев на милость. Я люблю тебя, батюшка, пуще самой жизни. И поверь: тебе никогда не будет стыдно за свою дочь.

– Скажи спасибо своей сударке. Моя бы воля... – Ярослав не досказал угрозы и, осенив дочь крестным знамением, поднялся в седло.

Свою сотню Ярослав разделил на две полусотни и умчал в Киев. И теперь Анна была озабочена одним: догнать дружину Глеба Вышаты. В минуты откровения она говорила Настене, что, были бы у нее крылья, полетела бы к Яну Вышате. Так или иначе, но спустя десять дней отряд воинов, который вел Анастас, догнал дружину русичей. Они уже шли вдоль восточных рубежей державы, кои пришли защищать.

За минувшие со дня бегства из Киева дни и ночи у Анны выпало немало времени подумать о своей судьбе. Она знала, что ей не сломить волю отца, что Вышате ее семеюшкой не быть. Все равно отец выдаст ее замуж за того, кто приумножит величие Руси. Такова судьба большинства великокняжеских дочерей, считала Анна. Да и в других державах, знала княжна, жил подобный обычай. Мать ее, принцесса Ингигерда, была выдана за Ярослава лишь по одной причине: Швеции нужны были мир и дружба с великой славянской державой. Не миновать и ей подобной участи. Что ж, теперь Анна окончательно поверила, что Настена увидела за дымкой грядущего то, чего и впрямь ни обойти пешком, ни объехать на коне. А как же Ян? И что будет с их любовью, спрашивала Анна. Да ответ был очевиден: ее батюшка готов закрыть глаза на все вольности, когда она встретится со своим любимым. И свободу, кою дал ей отец, Анна отважилась исчерпать так, как на ее месте поступили бы многие лихие россиянки.

Когда Анна и Настена увидели наконец тысячу Яна Вышаты, княжна сказала товарке:

– Ты за мной не рвись. Я догоню Яна одна.

– Зачем одна? Я ведь твой стременной, – улыбнулась Настена.

– Вечно ты мне перечишь. Вот и еще одна мамка близ меня, – возмутилась княжна.

– Ладно уж, будь по-твоему, скажи одна, – миролюбиво ответила Настена.

И Анна умчалась догонять Яна Вышату. Она нашла его в первой сотне воинов, поехала рядом. Тысяцкий с удивлением посмотрел на воина-отрока, спросил:

– Кто такой? Откуда взялся?

Анна улыбалась, ее большие темно-синие глаза светились радостью. Ответила, дабы не томить загадкой молодого витязя:

– Янушка, это я, Анна. – И, потупив глаза, смущенно добавила: – Искала тебя, вот и... нашла.

– Господи, за тысячу верст! Зачем?! – воскликнул Ян и оглянулся: ни полусотни, ни Настены он за спиной не увидел. – И ты одна? Как отважилась?

На лице у Яна была лишь настороженность. Он помнил слова великого князя, помнил жесткий наказ старшего брата держаться подальше от княжны. И сказано Глебом это было тогда, когда Ян бросился в Днепр, дабы спасти Анну. Старший брат словно слышал, когда, неся на руках Анну, он проговорился: «Век бы тебя нес, лебедушка». Шли годы, Анна подрастала, становясь все прекраснее. И Ян, старше ее всего на семь лет, все глубже увязал в пучине дурманящей страсти. Ничто не могло отвлечь его от дум о княжне. Она приходила к нему во сне, легким ангелом кружила вблизи. Но никогда больше ему не удавалось прикоснуться к ней. Даже во сне он летал за нею следом и бегал по острым камням босиком – она оставалась недоступной. С годами Ян понял, что преграды, кои высились между ним, сыном незнатного новгородского боярина, и дочерью великого князя, ему никогда не одолеть. И он смирился с неизбежным, нес мужественно крест, возложенный на плечи судьбой, и не замечал иных девиц, каждая из которых положила бы в его ладони свое сердце. Потому-то он и был так жаден до военных походов. Только в них он забывался от наваждения, которому имя – любовь.

Появление Анны около него за тысячу верст от Киева показалось ему чудом. Он даже не поверил, что видит ее наяву. Но нет, никогда во снах он не видел таких прекрасных, радостных и нежных глаз, такой щедрой улыбки и сверкающих белизною первого снега зубов. Рядом с ним ехала сама княжна Анна – и это был не сон. И было похоже, что она вольна в своих действиях, потому как не оглядывалась назад: ничто не грозило ей из-за спины окриком или опасностью. И Ян Вышата наконец обрел дар речи:

– Я у твоих ног, любушка. Чем заслужил твою милость, что помчалась за мной на край света?

– Полно, Янушка, будто не ведаешь, – ответила Анна.

– Но близ тебя бушевали страсти. Как вырвалась из них?

– И не спрашивай, Янушка. Как удалось овраги осилить, и не ведаю того. Да они отныне позади. Тебя хочу спросить: рад ли, что явилась? Не завернешь меня в Киев?

Ян понимал, какие преграды пришлось преодолеть Анне ради него. Из груди молодого воеводы все, что хранилось под крепким замком, вырвалось на простор и улетучилось, с лица схлынула напускная хмурость, под пшеничными усами появилась милая улыбка, серые глаза наполнились солнечным светом, и он выдохнул:

– Ты принесла мне радость на всю жизнь!

И после этого Анна и Ян долго ехали молча, лишь не спускали друг с друга влюбленных глаз. Но до ночного привала было еще далеко, и время поговорить у них нашлось.

Уже к вечеру возле Анны появился еще один молодой воин – Настена в сопровождении Анастаса. Увидев их вместе, Анна засмеялась:

– Вот уж, право, пара голубков – Настас и Настена.

Княжна заметила, что с первых дней побега из Киева псковитянин рдеет как маков цвет, лишь глянет на зеленоглазую русалочку.

Так было и на сей раз: Анастас покраснел, словно кумач. Настена попыталась защитить Анастаса:

– Ты, княжна-матушка, считай, что нас нет с тобой рядом.

– Пусть будет по-твоему, – весело отозвалась Анна.

На ночной привал воевода Глеб Вышата остановил дружину на берегу реки Мокши. Между реками Мокшей и Цной лежали земли народности мордвы. Во времена Владимира Святого мордва платила русичам дань. Но в годы междоусобиц сей народ отпал от Руси. Отправляя

Глеба Вышату в поход, Ярослав Мудрый наказал ему привести мордву через клятву верности Руси и отторгнуть их от камских булгар.

– Велю тебе, Вышата, народ мордву не зорить, но до князя тамошнего добратся, его и вразумить моим именем.

– Так и будет, князь-батюшка, – пообещал воевода Глеб.

И теперь ему надо было найти становище князей мордовских. Потому Глеб решил послать брата своего Яна с тысячей воинов строго на восход солнца, к селению Алатырк, сам же двинул на север, к Волге. Глеб отправил воина за братом, и каково же было его удивление, когда перед ним возник не только Ян, но и полусотня воинов Ярослава, коих вел Анастас! Глеб относился к молодому сотскому по-братски, знал, что он отважен и смел, что в сече ему мало равных. Спросил же с настороженностью:

– Зачем ко мне явился Анастас?

– Волею случая, батюшка-воевода. А еще повелением великого князя, – ответил он.

– И великий князь наказал передать мне что-либо?

– Никаких наказов, воевода-батюшка. Завтра, поди, буду возвращаться в стольный град.

– Ну коль так, гостем будешь. Сейчас огонь разведут, за трапезу сядем. – А взглянув на брата, Глеб спросил: – Ты что это как молодой месяц сияешь?

Ян тут же потускнел, нахмурился, на Анастаса посмотрел. И тот понял значение просящего взгляда, выручил побратима:

– У твоего братца, батюшка-воевода, славно на душе по той причине, что со мною появилась в дружине княжна Анна.

– И сему удивляюсь.

– Нет на то резона, воевода, – продолжал Анастас. – Князь-батюшка позволил ей в поход с нами сходить. Вот и все.

– Тебе верю, да не во всем, – заметил Глеб и строго поглядел на младшего брата: – Ты-то почему в молчанку играешь?

– Мне и сказать нечего, брат-батюшка. Знаешь же все сам.

– Охо-хо, – тяжело вздохнул Глеб. – Уж лучше бы ничего не ведать. – И, схватив брата за кафтан, потряс его: – Ну вот что. Запомни: без вольностей! Коснешься княжны ручищами – сам голову тебе снесу!

Ян ответил со смирением:

– Наказ твой свят для меня. И воля Божия – тоже.

– То-то. Господи, сколько же раз мне вразумлять тебя! – горячился старший брат. – Девиц тебе мало, что ли, иных?!

– Впрок мне твое вразумление, брат-батюшка. А девиц я вроде бы и замечать стал, – вновь смиренно ответил Ян.

Забыли, однако, братья Вышаты, что человек предполагает, а Бог располагает. Пока Ян ходил к брату, в его стане шатер поставили для княжны. Уже стемнело. На ясном августовском небосводе высыпали звезды. Южный Крест еще на боку лежал, а ковш Большой Медведицы сливал воду. Ян и Анастас пришли от Глеба, развели перед шатром костер. Анна и Настена сидели близ огня. Ян стоял за их спинами. Анастас добывал в прибрежных кустарниках хворост. Когда вернулся с охапкой, наломал веток да подбросил в костер, Настена увела его на берег реки. И княжна с Яном остались вдвоем. Молодой воевода вел себя скованно. Анна понимала, откуда скованность, знала она, насколько строг брат Яна, Глеб. Анна поднялась от огня, встала перед Яном и, не спуская глаз с залубеневшего лица любимого, сказала:

– Ты, Янушка, растопи лед на лице своем. Сегодня над тобой и Глебушка не волен верховодить. Мы с тобой во власти Всевышнего и великого князя. А они к нам милостивы.

– С чего бы им проявить к нам милость, коль каждый наш шаг к греху ведет. Разве это непонятно, любушка?

Ян всегда отличался сообразительностью и не поверил сказанному Анной: не мог великий князь дать полную волю дочери. Да, допустил потворство и разрешил побывать в степях, еще позволил встретиться с ним: ведь разлука предстояла. Но и предупредил, поди, о том, чтобы княжна блюла свою честь. И милость великого князя не могла идти дальше дозволенного. Сказал, однако, Ян то, что жаждала услышать от него княжна:

– Понял я лишь одно, лебедушка. Ноне я волен смотреть на тебя без опаски. – И Ян улыбнулся.

– Но мне того мало, – заметила Анна, взяла Яна за руку и потянула. – Присядь со мной рядом к огню, любый. Твои воины спят, и нам с тобой нет помех погреться.

– Тому не быть, любавушка. Я сам себе помеха. – И Ян попытался высвободить руку, но Анна сжала ее сильнее.

Княжна поняла суть признания. Однако ее влекло к Яну с неодолимой силой. Она обняла его за шею и приникла к груди. Да тут же подняла лицо и вымолвила:

– Полно, любый, я ждала этого часа всю жизнь. – И прильнула к его губам.

Ян помолился Богу, сказал себе: «А, будь что будет!» – и отозвался на страстный поцелуй княжны. И растаяли остатки опасений, он забыл обо всем, лишь страсть преобладала над другими чувствами. Ян обнял Анну и прижал ее к груди, жадно целуя в губы, в лицо, в шею. Он страстно шептал нежные слова, и сердце его разрывалось от блаженства вовсе не земного.

– Любавушка, пусть на нас идут поганцы, я никому тебя не отдам. Никто не тронет тебя и пальцем...

В кустах за шатром послышался шорох, взметнулась ночная птица выпь. Ян в тот же миг выхватил меч и метнулся во тьму. Вскоре он вернулся, улыбаясь:

– Анастас там шумнул.

Костерок у их ног уже догорел, лишь малиновые угольки рдели. Где-то на пастбище тихо ржали кони, иногда перекликались дозорные, и больше ничто не нарушало покоя становища. Анна взяла Яна за руку и увлекла в шатер. Он не сопротивлялся. Влюбленные знали, что идут навстречу извечному побуждению любящих сердец, к познанию друг друга. Они понимали, что сулит им будущее, но их ничто не могло остановить. Они готовы были сгореть в пламени любви и нежности, но не могли отступить от извечно священного шага. И все-таки воевода был осторожнее княжны. Он ни к чему не побуждал Анну, а был в ее власти. Ее желания, как повеления, не вызвали у него возражений, он исполнял их послушно. Его смущало лишь то, что Анна была в одежде воина. Как притронуться к ее кафтану, снять его? Анна поняла состояние Яна, сама все сбросила с себя и принялась раздевать его. Он же дрожащими руками гладил ее по спине, касался талии. Все это он делал впервые, потому как не знал женской близости. Его сознание мутилось от блаженства. Когда же была сброшена последняя одежда, Ян поднял Анну на руки, приник к ее грудям да так и замер, не соображая, что делать дальше.

В это время к шатру подошли Настена и Анастас. Молча, шорохом не нарушив тишины, они опустились близ погасшего костра. Анастас накиннул на плечи Настене и себе конскую попону, они прижались друг к другу и замерли. У них все было проще. Их не разделяла пропасть сословий, а чувства их были такими же сильными и острыми, как у Анны с Яном. Потому их сближение было простым, они познали блаженство близости как милость от Бога. Нежась на траве после содеянного, Анастас обыденно сказал:

– Отныне ты, лапушка, моя семеюшка. Ведь я же взял тебя силой.

– Вот уж неправда. Я не признаю насилия, – подзадорила Анастаса Настена. – Да и зачем тебе было брать меня силой?

– А как же? Ведь должен был я завоевать первый поцелуй – и завоевал, – настаивал Анастас. – Да и силу немалую приложил.

– Коль силу, так и владей, а я покорна твоей воле, – ответила Настена, как принято.

Теперь, сидя у погасшего костра, Настена думала не о своей судьбе. Она ведала, что за таинство вершилось под сводом шатра. И ей, товарке княжны, надо было подумать, чтобы любовная утеха Анны и Яна не обернулась для них бедой. Ни Анне, ни Яну прелюбодеич был не нужен. Да и тут Настена осталась спокойна, потому как знала, что надо делать. Степь велика, в ней много трав и кореньев по берегам рек и в суходолах. А найти бузину совсем нетрудно, у каждого селения заросли есть. Она все очищает, к чему ни прикоснутся ее листья и растертые ягоды. А в суходолах можно найти брионию с ветвями, подобными лозе. «Стоит лишь сделать отвар из нее, как очищение матки свершится, плод пресекая, еще не сложившийся в чреве», – вспомнила Настена прочитанное о силе трав.

Но заботы Настены пока были неведомы Анне. У нее и у Яна в эти ночные часы гуляло в груди блаженство любовных утех. Они пребывали в теплом омуте нежности. И даже если бы над шатром разразилась гроза, засверкали молнии, ничто не достигло бы глубин омута, в коем они существовали. И лишь тогда, когда любящие поднялись на вершину блаженства, до изнеможения вымотав силы, они поняли, что им пора спуститься на землю. И спустились.

– Любый Янушка, нам ведь сегодня расставаться, – с грустью сказала Анна.

– Нужно ли? Может, и дальше пойдешь с дружиной? Ведь с полусотней воинов опасно по степям гулять, – заметил Ян.

– Опасно, сокол мой ясный, – призналась Анна. – Да властвует надо мною батюшка и данное ему слово.

– Нам с тобой остается только смириться, лебедушка.

– Смиримся пока. Да будет еще на нашем дворе праздник, – с некоей уверенностью сказала Анна.

И она не ошиблась. У нее с Яном был еще долгий праздник по меркам минувшей ночи.

За шатром в эту пору занимался рассвет. У шатра, близ потухшего костра, укрывшись конской попоной, спали их преданные друзья, Настена и Анастас. Анна и Ян вышли из шатра, миновали спящих, скрылись в зарослях прибрежного кустарника, скинули кафтаны, под коими ничего больше не было, вошли тихо в воду и омылись. Выйдя из воды и накинув кафтаны, они посмотрели друг на друга и беспечно засмеялись, не желая ведать того, что их ждет сегодня, завтра. Они жили только этими счастливыми мгновениями.

А когда взошло солнце, к этому же месту на реке спустилась Настена. Ясновидица вошла по колени в воду, склонилась к ней, разгребла и увидела в речной вещунье то, что должно было случиться: Анна и Ян расставались. Княжна поднималась вверх по течению реки, а тысяча Яна Вышаты другим берегом шла на восток.

После утренней трапезы, как повелел великий князь, тысяча воинов во главе с Яном Вышатой уходила на восход солнца, а дружина старшего брата двинулась степью на север. Замыкали ее полусотня великого князя, и среди воинов ехали полусонные Анна и Настена.

Глава шестая

Поход на Византию

На следующий год после похода в Камскую Булгарию, в котором побывала и княжна Анна, в Киеве вновь появился французский путешественник и сочинитель Пьер Бержерон. На сей раз он прибыл не из Франции, а из Византии. Там встречался с императором Константином Мономахом. Любопытный француз пытался выведать у Мономаха истинное отношение к северному соседу – великой Руси. Император заверил Бержерона в том, что Византия питает к руссам самые добрые чувства, даже несмотря на то, что Ярослав Мудрый отказался отдать в жены царевичу Андронику свою старшую дочь. Упоминание о неудачном сватовстве насторожило Бержерона. И заверение Мономаха о доброте чувств к Руси насторожило его. Он почувствовал в них ложь.

На другой день, когда император принял Бержерона с почестями и долго беседовал с ним в голубой гостиной, где в аквариумах плавали золотые рыбки, а за окнами в саду летали райские птицы и цвели диковинные цветы, какие-либо подозрения француза по поводу Константина Мономаха развеялись. Император был в расцвете возраста и сил. Черные глаза его светились отвагой и мудростью. Борода цвета воронова крыла отливала синью. Под атласными одеждами проглядывала богатырская стать. Он был смелый и искусный воин. Однако и в дипломатии оказался силен. Бержерон услышал от него лишь самые лестные слова о Руси.

– Наша дружба с Киевом утвердилась с времен Владимировых, когда сей великий князь вернул нам Тавриду и Херсонес, захваченные изменником Фокой Вардой. Мы же отдали Владимиру царевну Анну. К тому же вольно позволили торговать в Константинополе купцам россов.

– И что же, вы уже многие годы живете с Русью в мире? У вас нет никаких разногласий? – спросил Бержерон.

– Конечно же были трения, и не раз. И было время, когда война между нами могла вспыхнуть. В ту пору, уже после кончины Владимира Святого, пришел на ладьях к Константинополю какой-то князь, близкий покойному. Он намеревался поступить к нам на службу. Но у него не было согласия великого князя. И мы ему отказали. Простояв с судами два дня в Золотой Бухте, он ушел к берегам Пропонтиды. Там же разбил полк наших воинов и открыл себе путь к острову Лимну. – Император угостил Бержерона волшебным золотистым вином и продолжал с сожалением в голосе: – Что ж, мы вынуждены были наказать дерзкого росса. Князь был убит полководцем Салунским. При князе пали восемьсот воинов. Россы за то не мстили Византии, и теперь мы живем без обид. В царском доме растим невест для князей россов.

Беседа была приятной. Бержерон уже думал о том, как расскажет об этой встрече великому князю Ярославу Мудрому.

Но перед самым отъездом из Константинополя летним днем Бержерон стал свидетелем того, как ватага горожан ворвалась на Восточный рынок и принялась громить лавки русских купцов, растаскивать товары. Потом откуда-то из города притащили молодого русского купца и бросили на площади. Он был убит в спину кинжалом. Бержерон был поражен зверством толпы и равнодушием императорских чиновников.

Уже по пути на Русь Бержерон многожды вспоминал побоище на Восточном рынке Константинополя и давал себе слово не рассказывать о нем в Киеве. Однако он понимал, что утаить это невозможно. Все равно Ярослав узнает об убийстве своего купца. И при первой же встрече землепроходец поведал великому князю о событии в Царьграде, чему был свидетелем.

Ярослав вознегодовал:

– Как смели греки поднять руку на моего торгового человека! Дорого им это встанет. Между державами вот уже полвека покоится мир, и у нас есть договор о торговле, о заботе и охране купцов от обид и зла. А тут ну прямо разбой!

– Может быть, у них была причина расправиться с купцом. Я пытался узнать, расспрашивал, но мне никто толком ничего не сказал.

– Нет такой причины, – твердо произнес Ярослав. – Мои торговые люди всюду ведут себя достойно. Они торгуют по всей Европе, и никто на них никогда не жаловался. Не знаю, как у вас, французов, но по нашим законам и по нашему договору с Византией император должен наказать виновных в убийстве смертью. Так же и мы поступили бы, ежели бы на Руси случилось убийство греческого человека. Когда же русича убивали в иной державе и там душегубов не наказывали, великие князья поднимали дружины и шли карать обидчиков.

– Государь, подумай, однако, вот о чем. Ведь у кого-то из византийцев есть основание затаить на Русь обиду.

– С какой стати?

– Ну, тобою отказано царевичу Андронку в выдаче за него своей дочери. Разве это не может послужить основанием для обиды и...

– Это, право! – воскликнул великий князь. – Я совсем забыл о том случае. Что ж, от Андроника можно было ожидать неприязни, и он мог подбить толпу на разбой. Спасибо, сочинитель. Сам я должен выяснить. И давай-ка сходим для начала на торжище.

В тот же день князь Ярослав с Бержероном и многими боярами пришел на главный торг города. Там было множество греческих купцов. Ярослав велел собрать их, а как сошлись, сказал им:

– Вот вы у меня торгуете, и вас никто не трогает, не грабит, не убивает. Зачем же ваши люди в Царьграде чинят нам зло? Вот мой гость Бержерон говорит, что месяц назад на торжище были избиты многие купцы, товары их разграблены, а один купец убит. Почему ваш государь допускает разбой и убийство? Или и мне вас преследовать?

Толпа купцов зашумела, послышались выкрики:

– Мы потребуем предать смерти виновных!

Из толпы вышел почтенный грек, поклонился Ярославу:

– Прояви к нам милость, великий государь. И мы отплатим тебе добром.

– Вот и говорю: никого из вас не трону, всех отпущу с миром. Однако ноне же выберите послов к царю Мономаху, и пусть они потребуют наказать злодеев. Пусть возместят урон, нанесенный русичам. Если же Константин укроет преступников, миру не быть.

– Мы заверяем, великий государь, справедливость восторжествует, – сказал почтенный грек. – И сегодня же найдем тех, кому идти к императору.

Почтенный византиец не бросил слов на ветер. Вскоре с греческими послами из купцов ушли в Царьград и послы великого князя Ярослава. Отправляя их в Византию, он наказал:

– Помните, что вы служилые люди великой державы. Требуйте от моего имени торжества закона и договора. Ежели Мономах дорожит миром между нами, он найдет и накажет виновных или отправит к нам в железзах. Когда же Константин нарушит клятвы и договора, быть войне. Русь никому не позволит убивать безнаказанно ее детей. Теперь идите. С вами Бог и святая Русь!

Прошло не так много времени, когда посланцы Ярослава возвратились из Царьграда. Вид у них был унылый, потому как они вернулись несолоно хлебавши. Сказано им было придворными чиновниками, что император Мономах запретил искать виновных, потому как их якобы не было. Ко всему было добавлено, что торговый человек был убит по праву виновного. В чем была его вина, послам не пояснили. Однако дотошные посланцы Ярослава попытались докопаться до истины. Они установили, что купец Огмунд был убит ударом ножа в спину. За деньги послы нашли и свидетелей, которые будто видели, как все произошло. Причиной того,

что Огмунд был убит, стало то, что он отказался дать налоговому чиновнику взятку и хотел рассказать о вымогательстве императорскому смотрителю рынка. Но в пути по рынку Огмунд был схвачен. Тут его и зарезали в спину. А как русичи сбежались, дабы отомстить за собрата, греки и затеяли побоище и грабеж товаров, разорение лавок.

Слушая посланцев, Ярослав пытался понять поведение императора Константина, и выходило, что византиец не очень дорожил миром и дружбой с Русью. Это и удивляло и возмущало великого князя. Отпустив посланцев, он долго размышлял, как ответить Мономаху на его вызов. И все сводилось к одному – к тому, чтобы наказать строптивых византийцев. Однако единолично великий князь не хотел принимать решения о военном походе на Византию. И Ярослав повелел собрать большой совет. Перед полуденной трапезой в гридницу сошлись именитые бояре, воеводы, княжьи мужи, старейшины. Когда собравшиеся уселись и угомонились, Ярослав сказал:

– Вольно нам жить в мире. Но недруги вынуждают взяться за оружие. Знаете вы, что в Царьграде убит наш подданный, торговый человек Огмунд из Чернигова, отец семейства. Будем ли терпеть обиду? И не подвигнемся отомстить кровью за кровь?

Гридница не взорвалась голосами, как того ожидал Ярослав. Все молчали, многие опустили головы, не смотрели на великого князя. Долгая мирная жизнь расслабила не только пожилых – бояр, воевод, но и молодых воевод – тысяцких, сотских. Да и сам главный воевода Глеб Вышата молчал. Знал он, что в случае похода ему вести войско в Царьград, а не хотелось. Но был Глеб Вышата в согласии с великим князем: нужно византийцев наказать и, быть может, к Царьграду не рваться, а отрезать ломоть окраинных земель в уплату за убитого и разорение русичей. И главный воевода сказал свое слово:

– Со времен Владимира Святого не было того, чтобы Византия предавала смерти русичей. Потому срамом покроем себя, ежели не накажем надругателей и убийц. Потому говорю: я готов повести дружины на коварных злодеев.

– Но почему же молчит совет? Не затем я собрал вас, дабы играть в молчанку, – строго заявил Ярослав.

И поднялся градистый старец Всеслав, поди, самый старый киевлянин. Годы уже согнули его, белая борода достигала пояса. Но не постарели, не выцвели у Всеслава карие глаза. Они светились живо и мудро. Он оперся на посох и ясно промолвил:

– Ты, великий княже, забудь о кровной мести. Она ушла с Ольгой. Тому я очевидец. Всем тут ведомо, что твои посланцы до императора не дошли, а споткнулись на чиновниках. Потому вернулись ни с чем. Говорю: пошли достойных и твердых бояр, воевод, дабы достигли царя. Они и принесут правду. Там и суди.

Ярослав был озадачен. В прежние годы его слово было первым и последним. А ныне за старцем Всеславом и старейшины, кои помнили, чем оборачивалась кровная месть при Ольге, скажут ему «нет».

– Ты молвил правду, боярин Всеслав. Но мы и не думаем идти в Византию, дабы омыть руки кровной местью. Нам важно дать понять иноземцам, что Русь всегда способна защитить своих подданных, где бы они ни попали в беду. Или я не так сказал? – И Ярослав посмотрел за спины старейшин, где сидели молодые воеводы, тысяцкие.

И великого князя поддержала молодая поросль с горячей кровью. Он еще и дух не перевел, отвечая бывалому воеводе, как поднялся его старший сын Владимир и сильным голосом заявил:

– Князь-батюшка и вы, мудрые люди, вольно вам вести умные разговоры и уповать на Бога. Вольно вспоминать нашу прародительницу. Нам же, молодым, не в укор действия моей прапрабабки Ольги, но в пример и мы готовы наказать ромеев!¹⁵ – И Владимир поклонился

---

¹⁵ Ромеи – римляне (греч.).

отцу: – Прибыл я, батюшка, с дружиной погостить в Киев, да позволь выводить ладьи На вольную воду, а мне вести дружину. Со мной пять тысяч воинов, кои готовы защитить нашу честь.

Великий князь порадовался, что у него такой отважный наследник.

– Тому и быть, – согласился Ярослав. – Благословляю и верю: не посрамишь отца. Тебе идти на судах, верно. А ты, воевода Глеб Вышата, пойдешь с главной дружиной конными. – Да тут же Ярослав решил, что должен добиться согласия совета старейшин, а иначе и собирать бы их не следовало: – Теперь говорю вам, мудрые мужи. Вы уж простите своего князя за вольность. Я благословляю поход на ромеев и вас прошу благословить его, потому как знаю норы византийцев. Они только того и ждут, чтобы мы спустили с рук им злодеяние. Многажды будут чинить его над русичами, и тогда наши с вами седины покроются позором. Слушаю вас, мудрые люди. – И великий князь опустил на трон.

И вновь встал старейший воевода Всеслав. Он повернулся лицом к сидящим и спросил их:

– Скажем ли князю-батюшке добро? Пошлем ли своих наследников воевать?

В гриднице возник говор. Он перекачивался от стены к стене долго, пока наконец не встал другой преклонный и уважаемый русичами воевода Путята-старший:

– Ежели великий князь считает сие дело правым, а оно, по моему разумению, правое, – быть походу. – И Путята возвысил голос: – Так ли я говорю, русичи?

– Так! – выдохнули мудрые мужи.

– А коль мы согласны на поход, подтверди же, великий княже, нет ли в тебе сомнений? – спросил Путята Ярослава.

– И тебе, славный воевода, и всем остальным говорю: нет! Твердо я уверовал в то, что разбой допущен происками царевича Андроника! Потому благословляю я и благословите вы поход на Византию! – И великий князь низко поклонился боярам, воеводам и старейшинам.

В тот же день в Киеве, а там и по ближним от него городам все пришло в движение. Любеч, Белгород, Чернигов спешно собирали дружины, выводили на быструю воду ладьи, струги с воинами, отправляли сушей конные сотни. Не прошло и трех дней, как ранним утром стольный Киев провожал в поход большую конную дружину, которую должен был вести через степи и горы Глеб Вышата, и водную дружину во главе с князем Владимиром. Одни воины уходили через Золотые ворота, другие уплывали на белокрылых судах от берегов Днепра и Почайны.

И все шло, как должно. Ярослав был доволен тем, что сборы в поход не затянулись. Июль, считал великий князь, самое благодатное время как для всадников, так и для людей на ладьях и стругах, кои пойдут через днепровские пороги. Однако за день до выступления дружин в поход в княжеском дворце случилось событие, которое лишило великого князя покоя и сна. После полуденной трапезы Ярослав уединился в библиотеке. Понадобилось ему заглянуть в сочинение византийского патриарха Фотия «Амфилофия», в котором тот как бы спорил с киевским митрополитом Амфилофием о сущности Святой Троицы. Открыв рукописный фолиант славянской вязи на нужной странице, где Фотий писал об искуплении и всепрощении, Ярослав примерял свои действия последних дней к мудрым советам патриарха. Читая, Ярослав испытывал то сомнения в своих решениях, то воодушевление. Наконец он забыл тревоги минувших дней, почувствовал легкость на душе, пребывая где-то вдали от окружающего мира. И в этот час блаженное созерцание было нарушено. В библиотеку вошли сын Владимир и дочь Анна. С ними же пришла загадочная Настена. Удивился Ярослав такому нашествию, но не попрекнул ни сына, ни дочь. Спросил:

– Ну, говорите, что привело вас?

– Ты, батюшка, не прогневайся на нас за то, что озадачим тебя, – начал Владимир. – Позволь сестрице моей Анне идти в поход с нами. Сказывает, надобность у нее есть в Корсуні побывать.

– Вот уж, право, огорошен. Какое у нее там дело? Нет, о том и разговора не хочу вести.

– Но ты выслушай нас, батюшка. Анна сетует, что греческую речь забывать стала, потому как поговорить не с кем.

– Полно выдумывать. В Киеве ромеев много. Вот и пусть толмачит с ними. Ишь, в Корсунь пустите ее за тридевять земель. А теперь уходите, не мешайте!

– Но ромеи на торге, а ей туда вольно ходить не следует, – стоял на своем князь Владимир. Анна пряталась за спиной брата, но вышла вперед:

– Батюшка, то верно: византийцев в Киеве много. А вот место, где крестился твой родимый, а мой дедушка, на земле одно – Корсунь.

– То так, – согласился Ярослав. – Но я там не бывал, а ты впереди меня норовишь встать. Негоже. – И сказал последнее, словно взмахнул мечом и пресек проявление воли неугомонной дочери: – Не пущу! – И для большей страсти топнул ногой: – Не пущу! И вольностям твоим положу конец!

Однако вновь нашла коса на камень. Но на сей раз на прекрасном лице Анны не вспыхнуло ни гнева, ни возмущения, ни даже малой обиды. Она шла к отцу с улыбкой, ласковой и ясной. И встала перед ним на колени, словно перед иконой Господа Бога. Попросила мягко:

– Отпусти, батюшка, отпусти, родимый. Потому как твоей любой доченьке осталось только спеть лебединую песню. О большем я тебя и не прошу.

– Какую такую «лебединую песню»? Что еще за досужие выдумки?

– Да нет, батюшка, тут истинная правда. Как вернусь из Корсуни, так и расскажу, словно на исповеди.

И Ярослав дрогнул. Он вновь испугался за жизнь этой дерзкой девицы. Он вспомнил все, что она вытворяла за свою короткую жизнь, чем ущемляла его сердце, умирала его разум, добиваясь исполнения своих желаний. И великий князь сдался. Но не потому, что она поборола его нрав, а по той причине, что, богатый мудростью, вспомнив то, что каждое дерзкое начинание дочери приносило благие плоды, подумал: и на сей раз все пойдет во благо великокняжеского дома Рюриковичей. Как покажет время, мудрость его была прозорливой. Он видел, что Анна год за годом приумножала свои достоинства. Нет ныне на Руси более умной и образованной девицы, нет более рьяной хранительницы семейных, родовых преданий. Она знала, что сделала для Руси ее прапрабабка Ольга, ее прадед Святослав. Она жаждет вывести и сохранить для грядущего все, чем возвеличил Русь ее дед, великий князь Владимир Святой. И того было достаточно, чтобы благоволить ее малым вольностям. Великий князь счел, что может даже закрыть глаза на ее свободную любовь к воеводе Яну Вышате. Знал же он, размышлял Ярослав, что тому не быть супругом Анны, так пусть хоть малым счастьем вознаградит себя за будущее, может быть безрадостное, когда наконец ей будет найден супруг королевских кровей. И решил Ярослав все просто и мудро, все в пользу любимой дочери. «Господи, пусть Всевышний хранит тебя во всех твоих деяниях», – помолился князь и сказал обыденно:

– Встань и подойди ко мне. А вы идите, нечего вам слушать наши речи, – обратился он к сыну и товарке Анны.

Владимир и Настена ушли. Анна поднялась на ноги, подошла к отцу и прижалась к его плечу:

– Батюшка, родимый, прости меня, окаянную, каюсь тебе: меня влечет в дальний поход не только Корсунь, но и мой любимый Ян Вышата. То и будет нашей лебединой песней.

– О том я догадываюсь. Токмо сомнения у меня, что сия потеха явится последней. Да и почему «лебединая песня»? Не пойму, что за сим кроется.

– Я сказала истинно, как перед Господом Богом. О большем и не спрашивай, батюшка.

– И не спрошу. Да вспомнил же, вспомнил! – И князь ударил себя ладонью по лбу. – Товарка твоя все зелеными глазами поведала. Вот поруха-то! Мне ведь тоже жалко Яна Вышату. Мало на Руси таких богатырей. Да уж что тут сетовать на судьбу. Об одном подумай:

к матушке как подойдешь? Она тебе судья от Бога. Вот как отпустит, так и получишь мое благословение.

– Батюшка, не найду я тропки к сердцу матушки. Она меня осудит, и делу конец, как клятву наложит. То и тебе ведомо. Потому на тебя вся надежда, родимый. Не пойдет она встречь тебе. – И польстила отцу: – Из любви к тебе волю мне даст.

– Сладу с тобой нет. Пользуешься моей добротой. Уходи с глаз, пока не взбунтовался, – проворчал по-доброму Ярослав и поцеловал Анну в лоб.

– Нет, нет, батюшка! Я уж лучше здесь подожду, пока ты вольную от матушки не принесешь, – заявила Анна.

Великий князь ушел и вернулся довольно скоро. На лице у него было удивление.

– Твоя матушка знает о всех твоих проделках больше, чем мы с тобой. Да моли Бога, что она мудрее нас. Она дала тебе волю, – сказал Ярослав, едва переступив порог.

– Батюшка, я каждый день молюсь о матушке. Лучше ее на свете нет.

Великий князь и его дочь еще долго оставались вдвоем и о многом поговорили. Да было о чем. Они одинаково понимали свое место в жизни державы. Стараниями Ярослава появились на Руси школы, о коих народы западных стран и думать не могли. Их открыли не только в Киеве, но и в Чернигове, в Новгороде, в Смоленске. Учили отроков без сословий, лишь бы даровитыми были, готовили служителей православной веры. Волею князя в школах заботились о том, чтобы позже с амвонов храмов несли Божье слово не невежды, а ученые священнослужители. Их ждали во многих городах и селах. Засиделись Ярослав и Анна допоздна. А на другой день князь и княгиня провожали свою дочь в поход. Расставаясь, мать наказывала Анне:

– Веди себя разумно и за Настену держись. Если бы не батюшка и она, я бы тебя не отпустила. Батюшка с Настеной одолели мою твердость. – Княгиня Ирина прижала дочь к себе и тихо добавила: – Береги себя, доченька. Боль в груди за тебя осталась...

Провожали дружины и горожане от мала до велика. На берегу близ города яблоку негде было упасть. Днепр заполнили сотни ладей, стругов, челнов. В Киеве трезвонили колокола, священники благословляли воинов чудотворными иконами. Горожане плакали, отправляя мужей, отцы наставляли сыновей. И великий князь сделал внушение воеводам Владимиру и Глебу Вышате:

– Ратников берегите. Думайте прежде, когда на врага пойдете. Не только силой ломите, но и хитростью берите. И всех воинов в сечу не бросайте, запас держите.

Воевода Глеб Вышата во всем соглашался с Ярославом, но, ощущая какую-то незнакомую ранее тревогу, сказал:

– В неведомое идем, князь-батюшка. Ничего мы не знаем о ромеях. Да и сил у нас ноне мало. Надо бы с дальних городов дружины позвать, новгородскую конную взять, переяславскую тоже. Древлян пошевелить.

– Знаешь же, брат мой, – отвечал Ярослав, – новгородец Петрила Якун с конной дружиной ушел в дальний поход на Ямь. Переяславцы бережением себя обеспокоены. Там берендеи разбойничают. А древляне проволочку затеют на год. Вот и вся недолга...

– То так, – согласился Глеб.

– Помните об одном: ваше дело – устроить Византию. Пеню потребовать за убийство державного россиянина. А в большую сечу, боже упаси, не ввязывайтесь.

Великая княгиня Ирина свои наставления в какой раз давала Анне:

– Через пороги в ладье не ходи, конным путем минуй их. В Корсунь пойдешь, чтобы три ладьи с воинами сопровождали. По городу без воинов и шагу не делай...

Сестры Елизавета и Анастасия простились с Анной проще. Сказали коротко: «Мы тебе завидуем».

И вдруг на днепровском берегу, на водном просторе наступила тишина. Воины расстались с близкими, поднялись на суда, и они медленно, вытягиваясь клином, покинули причалы и журавлиной стаей потянулись к Черному морю.

Анна и Настена, обе в одеждах воинов, стояли на корме, на их лицах виднелось напряжение, они волновались, и больше, чем Анна, переживала за предстоящий поход Настена. Живая вода поведала ясновидице о многом из того, что их ждало под стенами Царьграда. Волею судьбы они доплывут почти до самых врат древнего города. Но не приведи господь даже знать, что их там ждало. И открыла Настене днепровская вода тайну накануне похода, когда Анна оставалась в тереме с отцом. Настена спустилась к Днепру, вошла в его воды и попросила Всевышнего открыть ей лик убитого в Царьграде купца. И, надеясь увидеть благообразное лицо, Настена испугалась, когда пред нею возник обольстительный образ прелюбодея. Настена даже не поверила и отшатнулась от живой воды.

– Господи, неужели это русич?! – воскликнула ясновидица. – Да таких я никогда не видывала среди купцов. – Но, моля Бога, она попросила открыть ей деяния купца Огмунда. – Я не разuverюсь в тебе, милосердный, какой бы ни была правда.

И Господь внял светлой душе. Настена увидела Огмунда в восточном покое, как он в борении с молодой и красивой византийкой овладел ею, как сорвал с нее одежды и взялся чинить насилие, да тут же был застигнут гневным мужем. Сверкнул кинжал, и Огмунд, поверженный в спину, был сброшен на пол. В дом ворвалась толпа горожан, схватила тело Огмунда, выволокла на улицу, притащила на рынок и растерзала. И вот уже разъяренные византийцы грабят, разоряют лавки русских купцов, а императорские чиновники покидают рынок, чтобы не видеть бесчинств.

Настена отпрянула от воды, выбралась на берег и побежала вверх по Боричеву взвозу. Ее первым побуждением было открыться великому князю, дабы остановить поход. Неправедным он будет, потому как нельзя мстить за прелюбодея. Однако близ крепостных стен она образумилась. Вспомнила, что Всевышний не дал ей воли изменять течение судеб: только он имеет власть над живым и сущим. И потому «чему быть, того не миновать» гласила заповедь для Настены. Сей закон еще никто не посмел нарушить. «Прости меня, Всевышний», – помолилась Настена и смирилась с неизбежным. Однако, покорившись, она знала, что Бог отвернулся в этом неправедном походе от русской рати. Она вспомнила свое видение Яна Вышаты несколько лет назад, завершившееся печалью, и, окутанная болью за всех, кто не вернется из похода, кто падет в сечах и будет взят в полон, стала безучастна к окружающему. Остаток дня, ночь и ныне до полудня она прожила в полусне. И теперь она стояла рядом с Анной на ладье, оставаясь по-прежнему ко всему равнодушной. Даже красавец вольный Днепр не волновал ее.

Но и княжна Анна в этот час забыла о Настене. Она думала о своем – о том, что где-то на одном из первых судов, может быть так же всматриваясь в уплывающий Киев, стоит ее ясный сокол Янушка и, поди, страдает о ней, потому как не знает, что она близко. Вернувшись из похода в Камскую Булгарию, он лишь однажды встретил Анну, да и то в храме Святой Софии. Тогда они обменялись только взглядами. В тот же день Ян уехал в Вышгород и там пребывал всю зиму и весну до нынешнего дня. Теперь у Анны было больше воли, и она жаждала поскорее увидеть его, побыть с ним день и ночь, сколько придется, спрятать лицо у него на груди, поцеловать его в ласковые глаза, ощутить его силу, насладиться счастьем. Тут же у Анны мелькнула горькая мысль: «Последним счастьем».

В эти же первые часы плавания Анна пришла к мысли о том, что ей нет нужды уходить от Яна в Корсунь – она побывает там на обратном пути, ежели встреча с византийцами завершится миром, – а пока длится поход, она будет с Яном, дабы помочь ему в трудную минуту. Вопреки предсказанию Настены, Анна верила, что, если она будет возле Яна, с ним ничего не случится. Она сумеет защитить его; как – Анна того не знала, но верила в свою силу свято.

Однако Анна еще не представляла, как она освободится от опеки брата, коему наказано не спускать с нее глаз, беречь ее. И она знала, что Владимир не нарушит воли отца: недреманное око его всюду уследит за нею, пока она не уйдет в Корсунь. Вот и сейчас за ее спиной стоят гридни, и им приказано быть ее стражами. Терпение ее иссякло, и она попыталась прогнать их, но они не вняли ее грозным словесам, оставаясь похожими на истуканов.

Путь по Днепру протекал без помех. Анна и Настена не покинули ладью, когда приблизились к днепровским порогам. Князь Владимир, помня наказ отца и матери, хотел отправить Анну с товаркой на берег, дабы там они на конях прошли до острова Хортица, где обычно, пройдя пороги, отдыхали путники. Анна сказала брату:

– Мы не сойдем с ладьи. И пороги-драконы нас не пугают. Еще хочу увидеть порог Неясыть и остров Георгия, где отдыхал мой дедушка.

– Но ты нарушаешь наказ матушки и батюшки.

– Надеюсь, от тебя они о том не узнают, – ласково улыбнулась Анна, обезоружив брата.

И как ни убеждал Владимир Анну, она не поддавалась на уговоры. А вскоре уже поздно было. Флот русичей полетел через пороги по водным стремнинам, и казалось, что ладьи и струги вот-вот начнут разбиваться словно скорлупки о каменные быки или нарываться на «зубы дракона Неясыти».

Анна и Настена стояли на носу ладьи, дрожали от страха, но в деревянный шатер так и не спрятались. По рассказам отца, через эти пороги сто лет назад проплыла великая княгиня Ольга. И Анна, взявшая многое от своей именитой прародительницы, не дрогнула перед лицом малой опасности. И все-таки, когда суда одолели шестьдесят с лишним верст порожиистой реки и вышли на вольный днепровский лиман, Анна и Настена вздохнули с облегчением.

– Вот и миновали нас страсти! – воскликнула княжна.

Они сбегали по сходням на берег острова Хортица и в сопровождении Анастаса отправились на поиски Яна Вышаты. Прошли не одну версту, пока не нашли его ладью близ самого мыса острова. Спутать ее с другими судами было невозможно. На ее носу стоял вырубленный из дубового кряжа архангел Михаил. На берегу уже горели костры, воины варили пшеничный кулеш с салом, а Ян оставался на ладье. Он смотрел на просторный разлив Днепра и думал о принце Гаральде. Перед тем как уйти в поход, у Яна была встреча с княжной Елизаветой. Она приезжала в Вышгород вроде бы к брату Владимиру, а на самом деле к нему, Яну, и просила узнать что-либо в дальних краях о своем возлюбленном. Теперь она страдала оттого, что когда-то была строга и холодна к Гаральду. Ей хотелось, чтобы он поскорей вернулся и, ежели не разлюбил, попросил бы у батюшки ее руки.

Ян горевал оттого, что Анна никогда не побудит его к тому, чтобы он упал на колени перед великим князем с просьбой отдать ему дочь. «Как немилосердна к нам судьба», – подумал с горечью молодой воевода. И в поход он ушел с плохими чувствами, ждал с нетерпением сечи, чтобы избавиться от сердечных мук. Они были настолько тягостны, что сама жизнь сделалась для него никчемной.

В этих горьких размышлениях и застали Яна Анна с Настеной. Как и при встрече в степи, Ян вначале не поверил, что юный воин в алом кафтане, возникший перед ним, есть его несравненная любушка. И понял это только тогда, когда Анна, не стыдясь двух воинов, кои были в ладье, подошла к Яну и поцеловала его.

– Наконец-то мы свиделись, желанный, – сказала Анна.

– Ты послана мне Богом, – отозвался Ян.

– Как я хочу, чтоб он никогда не разлучал нас, – тихо молвила Анна и, прижавшись к Яну, посмотрела на Настену и Анастаса.

Судьбоносице не надо было говорить, она все поняла по взгляду Анны. И княжна с Яном еще стояли в молчании, прильнув друг к другу, а Настена потянула Анастаса с ладьи и позвала воинов:

– Эй, богатыри, сходите к нам, на берег.

И Анна с Яном остались одни. Они были освещены солнцем, и чайки пролетали над ними с ленивыми криками. О борт ладьи плескалась днепровская вода. Они же ничего этого не видели и не слышали, словно оказались в безмолвной пустыне. Взявшись за руки, они смотрели друг на друга. Слов у них не было. Лишь глаза выражали их чувства: любовь и нежность. Анна гладила сильную, крепкую руку Яна. Он же прикоснулся к талии княжны и привлек ее к себе. Она положила голову на грудь богатыря и услышала, как гулко и мощно бьется его сердце. У Анны мелькнуло: «Господи, закричать бы от горя! Ведь скоро оно перестанет биться».

«Почему она так бледна? – в свой черед подумал Ян. – Ей бы знать, что рок воина в руках Бога. И потому я должен развеять ее грусть, избавить от боли». Он склонился и поцеловал Анну. Она ждала этого поцелуя и ответила горячо, страстно, ненасытно. И Ян вложил в свой поцелуй весь огонь, всю силу своих чувств. Истосковавшаяся по ласке Анна принимала поцелуи Яна как Божий дар, но жаждала большего и повлекла любого на корму ладьи в шатер.

– Идем, желанный, я хочу согреться, – прошептала она.

И было похоже, что влюбленные покинули ладью, остров, речной простор. Ничто не выдавало их присутствия на судне. Лишь на траве, близ сходней, сидели Настена и Анастас и спроваживали воинов, кои пытались взойти на ладью. И так шел час за часом. Уже стало смеркаться. Анастас сходил к воинам, добыл у них кулеша, хлеба, сыты, накормил Настену, поел сам. Потом Анастас набрал сухого плавника, возродил дремавшие угольки костра. Вскоре заиграли огоньки и костер запылал. Приближалась звездная ночь. Днепр потемнел. Природа замерла. Анастас поднялся на ладью, нашел войлочный полог, вернувшись, укрыл Настену, накинул на себя конец, прижал «русалочку» к груди, и так они молча продолжали сторожить покой молодого воеводы и княжны Анны.

А ранним утром затрубили боевые рога, воины поднялись на суда, и поход на Византию продолжился. В конце августа флот русичей остановился перед выходом в Черное море, вблизи острова Березань. Отсюда шел ближний путь на Корсунь. Князь Владимир, помня наказ отца, решил отправить Анну двумя судами с воинами в места, где полвека назад искал славу их дед, Владимир Святой. Владимир нашел сестру не сразу. Она в последние дни не покидала ладью Вышаты. Но на сей раз и там ее не оказалось. Анна увлекла Яна в часовню святого Еферия, дабы помолиться ему. Найдя сестру, Владимир сказал:

– Анна, тебя ждут воины и два струга. Отправляйся в Корсунь, пока ветер попутный.

Княжна подошла к брату и тихо, но твердо произнесла:

– Не неволь меня, родимый, я пойду с вами. А почему, о том не спрашивай.

– Но есть воля батюшки и твое слово идти в Корсунь. И запомни: пока тебя не отправлю, мы будем стоять здесь, – пригрозил Владимир.

– Умоляю тебя, братец, не настаивай. Тщетны твои потуги, и ты только батюшку прогневишь. Я буду в Корсуне на возвратном пути.

Анна едва сдерживала голос, чтобы не закричать. Владимир понял, что сестра вот-вот сорвется на крик, и попытался успокоить ее:

– Остынь, сестрица, и подумай о родителях.

– Думала и передумала. Да все сводится к одному: я пойду с вами.

Пока брат с сестрой разговаривали-пререкались, Ян Вышата покинул часовню, и Анна, увидев, как он удаляется, побежала следом. Князь Владимир с досады стукнул кулаком о рукоять меча и, зная, что ему не сломить упрямства Анны, побрел на свою ладью.

В тот же день флот русичей вышел в Черное море и потянулся вдоль берегов, кои населяли дружественные племена молдаван и румын, к византийским владениям.

А за двое суток раньше вышло из Днепра в открытое море легкое византийское судно скидия. На ней возвращались из Киева торговые люди, и среди них был императорский лазут-

чик, который спешил уведомить Константина Мономаха о приближении войска россов. И грекам удалось на три дня опередить армаду Владимира.

Константин Мономах никогда не стремился к войне с великим северным соседом. И на этот раз он послал навстречу россам своих послов. «Греция вспомнила бедствия, претерпленные некогда от флотов российских, и послы Константина Мономаха встретили Владимира», – отмечали позже летописцы и историки.

Но встреча была неудачной. Перейдя с галеры на ладью, посол Клавдий сказал князю Владимиру:

– Ты, сын великого князя Ярослава, в прозвании Мудрого, должен быть так же разумен, как и отец. Пишет вам император Константин Мономах, что дружба двух великих держав, столь счастливая и долговременная, не может быть нарушена по причине столь маловажной. Ваш именитый купец был женолюбцем. Он обесчестил жену императорского вельможи Платия. Что сие так, целую крест. – И Клавдий поцеловал свой нагрудный крест.

Среди русичей, кои стояли за спиной Владимира, были Анна и Настена. И товарка прошептала княжне:

– Он речет правду: нет вины греков в смерти купца Ог-мунда. Потому уговори брата внять просьбе императора и уйти из пределов Византии. Сие нам во благо.

Настена все-таки отважилась сказать об этом вопреки воле Всевышнего. Но Анна отказалась выполнить волю своей судьбоносицы:

– Полно, Настена, ты не знаешь Владимира. Он не уступит послам. Для него воля отца и старейшин превыше всего.

– Император Константин желает мира и клянется наказать виновных, кои побили россов на торговой площади. Он готов заплатить за урон чести россиянам и за их товары. Но в смерти купца Огмунда виновных нет. Он пытался обесчестить женщину. Говори же, князь Владимир, уйдет ли твоя армада с миром?

– Тому не бывать! Руси тоже нанесено бесчестие, и она не потерпит его, – высокомерно ответил Владимир.

Анна в этот миг все же подошла к брату. Она поняла, что сказанное послом Клавдием и Настеной совпадало. Значит, все-таки Византия наказала Огмунда заслуженно. И Анна проговорила:

– Брат мой, не делай невозвратного шага. Правда за послом Клавдием. Потому вернемся домой. Сие не бесчестие, а разумный шаг.

– Не мешай мне, Анна. За кровь россиянина должно отплатить кровью. – И, отстранив сестру, князь жестко сказал Клавдию: – Посол императорский, возвращаясь с моим словом: Русь пришла наказать строптивых ромеев и, пока не исполнит того, не уйдет. А теперь идите на свое судно, пока не взял вас в железа. – И Владимир дал знак воинам.

Они потеснили послов к борту ладьи, выпроводили их на галеру. Флот россиян продолжал путь к стольному граду Византии. Но быстроходная галера, которую гнал не только попутный ветер, но и сорок сильных гребцов, пришла к Царьграду раньше, чем суда Владимира. В тот же день император Мономах велел взять в городе под стражу всех купцов и воинов, что были при них. Сам сел на быстроходную царскую яхту и повел свой флот навстречу россам.

Той порой дерзкий и опрометчивый по молодости лет князь Владимир выстроил свои суда в боевой порядок в виду маяка Фара, указывающего путь в пролив Боспор. Но теперь уже сам император попытался образумить князя Владимира. Царская яхта почти вплотную подошла к ладье, на которой находился князь Владимир. И он услышал голос императора. Мономах узнал от посла, что русский князь понимает греческую речь и сам говорит по-гречески, и сказал:

– Гордый князь Новгородский, сын великого князя Киевского, последний раз прошу о мире. Иди с Богом в свою землю, а мы заплатим вам золотом за урон вашей державе, мы

выпустим на волю всех купцов и воинов, кои пребывали в Константинополе. Говори же свое слово!

– Я пойду на такой мир, ежели вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого воина моей рати – водной и пешей. На меньшее я не согласен. Да не медлите: жду до завтра, а там будет поздно.

– Сколько же воинов в твоём войске? – спросил Мономах.

– Без малого сто тысяч. Тридцать на судах и в два раза больше на суше.

Император знал, что князь россов его обманывает. Военачальники Мономаха вели счет русской рати. По их мнению, стотысячное войско на Руси за короткое время не соберешь. Да и лазутчики уже принесли весть об истинном числе конных и водных россов. Но Мономах не упрекнул Владимира за ложь. Он был уверен, что на сей раз войску россов не погулять с разбоем по его священной земле. Владимиру он тоже не открыл правды:

– Нет, столько золота в моей империи не найдется. Иди, князь, с Богом домой, а мы не будем тебя преследовать.

– Хватит! – крикнул Владимир. – Ты скупой царь и еще пожалеешь об этом. – И князь велел трубить в боевые рога. – Вперед, на ромеев! – приказал он.

Тотчас воины на ладьях подняли луки, положили на тетивы стрелы. Затрепетали под ветром паруса. Но и Мономах не замешкался. Едва его легкая яхта удалась на полет двух стрел, как в тот же миг от греческого флота отделились три галеры и стали стремительно приближаться к судам русичей. Воины Владимира удивились дерзости греков: что они могли сделать, влетев в стан сотен ладей, стругов, челнов? – и беспечно подпустили галеры вплотную к себе и даже позволили им врезаться в гущу судов. И вдруг, когда русичи еще смеялись над «глупыми греками», на галерах со всех сторон вспыхнуло пламя и шары-молнии смертоносного огня полетели на русские суда. И от шаров, от молний, словно сухое сено, вспыхнули паруса, обшивка, снасти и сами воины. В мгновение ока больше десяти судов были охвачены пламенем, и в стане русичей возникла паника, их охватил ужас, лишил разумных действий. Ратники покидали горящие суда, прыгали в море и, отягощенные кольчугами, тонули.

Однако галерам не удалось уйти безнаказанно. Едва на них иссяк смертоносный запас, как первым в атаку на греков бросился со своими воинами Ян Вышата. Три ладьи сблизилась с греческими галерами, и греки не успели опомниться, как русичи были на их судах. Нападение протекало скоротечно и жестоко: всех греков, которые не успели прыгнуть в море, русичи порубили. Суда Владимира уже шли на сближение с греческим флотом. Но греки не приняли вызова и поспешно удалялись. Той порой Ян Вышата посадил своих воинов на галерах за весла и велел гнать их подальше от места сражения.

– Они нам нужны, мы разгадаем их смертоносный огонь, – сказал он воинам.

Вскоре русичи избавились от панического страха. Захваченные галеры подняли их дух. Да, грекам удалось поджечь одиннадцать судов, погибло около полусотни воинов, но и сами греки понесли большие потери. Бывалые воины вспомнили рассказы дедов, как греки жгли ладьи великого князя Игоря и как он тогда нашел защиту против огня. И пошла гулять по судам команда в случае приближения галер греков смачивать паруса водой, всем воинам держать при себе мокрые кошмы, попоны, все, чем они укрывались в ночные часы от холода.

Ян Вышата тоже думал, как бороться с огненосными галерами. Осмотрев захваченные суда и снаряжение убитых воинов, он увидел, что они не были вооружены луками и стрелами. Еще он вспомнил, что греки пускали огонь из своих снарядов не дальше как с десяти сажен. Не подпускать их на такое расстояние, разить стрелами, метать в них копья – и тогда огненосные суда не страшны. Пересев на легкий челн, Ян Вышата поспешил к князю Владимиру, дабы поделиться с ним своими находками. По молодости лет он радовался такому началу сражения. Приплыв к ладье Владимира и поднявшись на нее, Ян сказал князю:

– Нам не надо бояться огненосных галер. Стоит выставить десять лучников на каждом судне, и греки не достанут нас.

– Но нужны меткие лучники, – заметил князь Владимир.

– Они у меня есть, – заметил Ян.

– Тогда благословляю тебя. Пойдешь первым, как только греки двинутся на нас.

Радовалась за Яна и княжна Анна. Она улыбнулась ему, когда он поднялся на ладью Владимира. Лишь Настена была пасмурна. Она знала, что худшее еще впереди. В тот час, когда русичи готовились к новой встрече, она одной из первых увидела и поняла, что греческий флот и не думает навязывать им новое сражение. Флотилия греков возвращалась к Царьграду.

– Смотри, Анна, море пред нами чистое. Но нам следом за греками нельзя идти. Нас ждет жестокое испытание.

– Полно, Настена! Греки удрали, потому что испугались нас, – заявила княжна. – Что ж Владимиру остается делать, как не преследовать их.

– Если бы это было так, я бы порадовалась с тобой. Ты посмотри на небо, что перед нами: оно черное от Божьего гнева.

В это же самое время на берегу бухты Золотой Рог появились священники и епископы с чудотворными иконами – и начался молебен. Священнослужители просили Господа Бога покарать вероломных россов за вторжение в пределы их державы, за угрозу опустошить греческие земли. Они смиренно утверждали, что никто из византийцев не виновен в смерти россас-прелюбодее. И Всевышний внял их молитвам. Когда флот императора вошел в бухту Золотой Рог, из пролива Боспор хлынули на суда русов огромные волны, подул страшный ветер, началась буря. Она налетела на русский флот так неожиданно и с такой силой подхватила легкие суда, что понесла их в открытое море. Они трепетали под натиском бури, опрокидывались в пучину, и не было русичам никакого спасения. Они гибли, не успевая призвать на помощь. Да и некому было спасать их. Устоявшие под натиском бури суда стремительно уносило все дальше от бухты Золотой Рог.

Княжна Анна и Настена спрятались в шатре на корме ладьи и, забившись в угол, молили Бога о милости. Он, казалось, не слышал их. Буря свирепствовала более двух часов. Не меньше сотни ладей и стругов было выброшено на песчаные отмели, разбито о скалистые берега. Не обошла стихия стороной и самую большую и устойчивую ладью князя Владимира. Ее подхватило огромной волной и бросило на торчащий из воды близ берега утес. Днище ее было пробито, она стала тонуть. Многие воины были смыты волной и пошли ко дну. Лишь чудом Яну Вышате удалось подойти к ладье на греческой галере и спасти князя Владимира, Анну, Настену и уцелевших воинов.

Вскоре море утихло. Сохранившиеся суда пристали к берегу, воины высадились на спасительную землю. Князь Владимир велел построить ратников по сотням и пересчитать их. Он схватился за голову, когда ему донесли, что в строю из восьми с половиной тысяч воинов осталось лишь шесть тысяч двести пятьдесят.

Едва прошла ночь, как появился греческий флот. Император Мономах, торжествуя победу, кою принесла буря, выслал следом за войском россов, дабы добить их, два легиона отборных воинов и двадцать четыре галеры с воинами, вооруженными греческим огнем. Но греки не застали русичей врасплох, они были готовы к сече. Едва галеры вошли в бухту и попытались приблизиться к русским судам, как выход из бухты перекрыли легкие ладьи воеводы черниговца Творимирича и все греческие суда были взяты в хомут. Греки делали попытки сблизиться с русскими судами, но это им не удавалось. На них летели тысячи стрел, и легионеры гибли под ними, не сумев привести в действие свой губительный огонь.

И все-таки легионеры бились отчаянно и отважно. Над ними властвовал страх перед императором. Он наказал военачальникам не возвращаться без победы. Вернувшимся с пора-

жением грозила смерть от палача. Понимая безысходность положения, греки топили суда, прорубая днище, и гибли вместе с ними в морской пучине.

Князь Владимир, увидев отчаяние греческих воинов, был удивлен их жертвенностью.

– Смотри, они топят свои суда! – крикнул Владимир Яну.

– Выходит, полна бояться, – высказал предположение Ян.

– Да нет, тут что-то другое. Я прекращаю сечу. Пусть с Богом возвращаются в Царьград.

Но греческие воины предпочли возвращению плен и сдались. Десять галер достались воинам князя Владимира. Русичи радовались. Они одержали победу над дерзким врагом.

Однако не успела дружина насладиться успехом, собрать вражеское добро и погрузить его на суда, загнать на галеры пленных, как в сумерках того же дня из Болгарии примчались три всадника от воеводы Глеба Вышаты. Усталые гонцы едва держались на ногах, когда появились перед князем Владимиром на ладье. Старший из них сказал:

– Княже Владимир, нас прислал воевода Глеб. Ежели ему не будет подмоги, дружина поляжет костями.

– Где Глеб Вышата и что с ним? – спросил Владимир.

– Близ Варны нас обступила ночью несметная рать. Мы пытались вырваться, но нас крепко засупонили. Потом мы пробились из лощины к холму, там и держимся.

Владимир дрогнул. Он подумал, что их преследует злой рок, что греки наблюдали за каждым шагом русских дружин и остановили, словно загнав в клетку. Теперь оставалось одно: разделить дружину на две части и одну из них послать берегом на выручку окруженных, другой половине идти туда же морем. Придя к такому решению, князь подумал, кого отправить сушей: Вышату-младшего или Творимирича?

Ян наблюдал за князем и, когда увидел, что тот смотрит то на него, то на черниговца, подошел и сказал:

– Ты, княже, не сомневайся во мне. Я пойду на выручку брата. К тому же мои ратники легче на ногу, чем у Творимирича.

Владимир вздохнул с облегчением:

– Поведешь три тысячи молодых воинов. Ежели подойдешь ночью, бей клином. Мы тоже снимаемся сейчас же.

В стане русичей все пришло в движение. И вскоре три тысячи воинов, ведомые гонцами, уже наступившим вечером потянулись берегом на восток.

Княжна Анна сумела-таки проводить Яна в путь, пожелать ему успеха. В горле у нее стоял комок боли, но она крепилась. Поцеловав Яна, она перекрестила его:

– Благословляю тебя, любый, береги себя, помни обо мне. Мы еще не испили свою чашу.

У Яна защемило сердце, оно вещало, что Вышата-младший видит Анну в последний раз. Он прижал ее к себе, поцеловал:

– Я люблю тебя, Анна, ты свет моей души.

– Янушка, возвращайся в Киев, я буду ждать тебя.

– Помолись за меня, как придет час, – сказал он и ушел к воинам.

Спустя немного времени, уже в полной темноте, рискуя разбиться на камнях, Владимир повелел своим воинам покинуть берег Византии. Погрузившись на суда, русичи посадили к веслам на галерах пленных греков и двинулись к берегам реки Варны. Однако устремления князя Владимира были тщетны. Дул сильный встречный ветер, и флот почти не продвигался вперед.

– Господи, все силы против нас, – сетовал князь, стоя на носу галеры.

И все сводилось к тому, что Владимир со своими воинами не сможет прийти на выручку Глеба Вышаты в одно время с Яном. Лишь на четвертый день суда Владимира вошли в устье Варны. И спустя какой-то час дозорный заметил, что из прибрежных зарослей показался легкий челн и поплыл к судам. Когда он очутился рядом с головным судном, Анна увидела на

нем знакомых ей воинов Полюда и Олдана. Челн пристал к борту галеры, воины поднялись в нее, и Полюд сказал:

– Князя нам.

Рядом с Анной стоял Анастас. Она попросила его:

– Разбуди Владимира.

Анастас скрылся на корме галеры, разбудил князя, который спал после долгого ночного бдения. Владимир вышел не мешкая, спросил Полюда:

– Говори, с чем явились?

– Худо, князь-батьюшка. Дружина Глеба полегла. Мы вот, – Полюд кивнул на друга, – не ведаю, как вырвались. Многих же взяли в полон и угнали на заход солнца.

– А что Ян Вышата, помог ли вам? Где его сила?

Анна стояла рядом с братом, смотрела на Полюда и молила его о милости, кою он не мог проявить. И по мере того как он все ниже опускал голову, Анна бледнела, становясь как льняное полотно после отбеливания под августовскими росами.

– Мы слышали, как ночью за спиной греков началась сеча. Так и подумали, что наши подошли. Сами рванулись своих встретить. Но греков была тьма, и они тоже окружили воинов Яна Вышаты. Брат его, наш воевода Глеб Вышата, дважды раненный, собрал в кулак дружину и на рассвете вновь повел ее навстречу Яну, но был сражен. И все вокруг него пали. Сеча еще длилась до полудня. Да полегли наши и сраму не имеют. – И Полюд замолчал, низко склонив голову.

«Неправда! Неправда! – словно удары колокола звенело в душе Анны. – Он жив! Он жив!» – твердила она. Увидев Настену, Анна подошла к ней, взяла за плечи, потребовала:

– Говори, вещунья, что с Яном?

– Нет у меня слов утешения тебе. – Настена не отвела глаз от Анны и продолжала: – Днепровские воды отразили правду.

– Настена, не гневи меня! – сорвалась на крик Анна и потрясла ее за плечи. – Я знаю, что он жив!

– Я в твоей воле, но иного сказать не могу, – ответила Настена.

Анна припала к ней и заплакала.

В этот день на судах спустили паруса, и они застыли в устье Варны. Воины справили тризну по павшим товарищам. Князя Владимира что-то побуждало добраться до греческих галер и предать смерти всех полоненных византийцев. Его душа по зову языческих предков жаждала крови. Однако он сдержал в себе звериный порыв и дал себе слово, как вернется в Киев, собрать новую сильную рать и наказать Византию. Ему еще не было дано знать, что великий князь Ярослав Мудрый смирится с поражением в этой несправедной с его стороны войне и она окажется последней между Русью и Византией.

Глава седьмая

Вновь на окоме Бержерон

На сей раз французский землепроходец и сочинитель Пьер Бержерон появился в Киеве по зимнему пути, спустя два месяца после возвращения остатков дружины Ярослава из похода в Византию. На княжеском дворе, в палатах да и во всем стольном граде еще царило уныние. Еще плакали по убитым и пропавшим сыновьям матери, не утешились жены и невесты. В своем тереме страдала по Яну Вышате княжна Анна, и вкупе с нею тосковала по странствующему рыцарю Гаральду княжна Елизавета.

А неутомимый француз пожаловал в княжеские палаты веселый, жизнерадостный, неугомонный.

– Здравствуйте, здравствуйте, славные россы. Я привез вам хорошие вести, – говорил он всем, кого уже знал по прежним посещениям Киева.

И в палатах стало шумно от его присутствия. Не успев отдохнуть с дороги, он, мешая славянскую речь с французской, одаривал всех новостями. И первый визит его был к княжне Елизавете. Худой, черный, со сверкающими карими глазами, расправляя клинышек бородки и лихие усы, он раскланялся перед княжной, поцеловал ей руку и весело сказал:

– Принцесса Елизавет, я привез тебе низкий поклон и тысячу поцелуев от твоего несравненного принца Гаральда.

Елизавета не сдержала радости, прекрасное лицо ее зарумянилось, глаза засверкали, она воскресла и спросила:

– Он жив? Он не забыл меня?

– Сей витязь никогда тебя не забудет. Ты у него в сердце навечно.

– Но где он? Как он? – Елизавета коснулась плеча Бержерона, усадила его в византийское кресло, велела мамке-боярыне принести крепкого меду и попросила: – Пьер, расскажи все, что знаешь и слышал о Гаральде. Вернется ли он на Русь?

– О, об этом долго говорить. Потому наберись терпения, прекрасная россиянка. – Бержерон поудобнее уселся в кресле и, жестикулируя, повел рассказ: – Я встретил его на острове Сицилия. Он бился в рыцарском поединке с сарацинским князем и победил его. О, это было великолепное зрелище. После боя я подошел к нему, напомнил о встречах в Киеве и о тебе, несравненная принцесса. Он обнял меня, расцеловал и произнес: «Ты путешествуешь по всему свету. Давно ли ты видел ту, по которой я страдаю?» Я сказал, что видел тебя совсем недавно и поведал, как ты страдаешь-печалишься о нем. Потом мы пили вино, и он спел мне вот эту песню:

Легкие суда наши окружили Сицилию!
О бремя славы блестящей!
Темный корабль мой, людьми обремененный,
Быстро рассекал волны.
Думая только о войне и битвах,
Я не искал иного счастья.
Но русская красавица меня презирает!

– Господи, он все тот же! Но я никогда его не презирала. Он мне люб, и я жду его! – горячо воскликнула Елизавета.

– О, не принимай его песню с печальным присловьем близко к сердцу. – И Бержерон ласково улыбнулся. – Он знает, что ты его любишь и не презираешь. Да уж так повелось у рыцарей

петь. Он сказал, что ему достаточно подвигов и славы. И свой корабль, полный сокровищ, он направит в ваши земли, как только минует время зимних бурь.

– Спасибо, спасибо, славный Пьер! – по-детски радовалась княжна. – Я скоро увижу своего ясного сокола.

– Очень скоро. Лишь под солнцем растают льды. – И Бержерон поднялся навстречу боярыне, которая принесла ендову¹⁶ с медовухой и кубки. Он наполнил один кубок доверху, другой – малой дозой и подал его княжне: – Выпьем за удачное возвращение твоего сокола. – И пока Елизавета лишь прикасалась к хмельному, Бержерон одним духом осушил свой кубок и воскликнул: – Пусть царит между вами сердечное согласие! А теперь мне пора к великому князю. Позже я расскажу тебе еще кое-что о твоём рыцаре. – И Бержерон покинул покой Елизаветы.

Ярослав Мудрый, однако, принял французского гостя не тотчас. По заведенному великим князем обычаю, он отправил землепроходца в баню:

– Ты мне любезен, Пьер Бержерон, и мы с тобой вволю поговорим. А пока смой дорожную пыль и тяготы.

– Спасибо, государь. Твоя баня мне во сне снится.

После жаркой, с вениками и квасным духом, бани, которая и раньше приводила Бержерона в восторг, великий князь и сочинитель долго сидели за трапезой и без помех, без свидетелей беседовали о том, чего пока не дано было знать ни домочадцам, ни придворным. Наслаждаясь старым болгарским вином из золотого кубка, Бержерон «открывал» перед великим князем Руси двери в далекую Францию.

– Всего месяц назад я был в Париже и дал отчет королю Генриху о моем путешествии в Сицилию и на остров Крит. Государь любит слушать рассказы о путешествиях. О, там я увидел много интересного и полезного для короля и моей Франции. Но об этом поведаю позже. А сейчас, сир, послушай о том, что нужно знать тебе. Моя Франция – это не великая держава, как твоя Русь. Франция уместится на ладони твоей державы. Вассалы короля Генриха ему не подвластны, и половина герцогств и графств богаче и могущественнее королевского домена¹⁷. Герцоги и графы, не ведая чести и чинимого ими зла, пытаются уничтожить королевство, разорвать его сердце на части.

– И что же там вельможи не поделят? – спросил Ярослав.

– Там все в вечном переделе. Вот уже десять лет король Генрих воюет со своим братом, герцогом Робертом, и матерью, вдовствующей королевой Констанцией, которые пытаются отнять у короля герцогство Бургундию – родовые земли королей Капетингов...

Великий князь слушал Пьера Бержерона с большим вниманием, но пока не понимал, почему откровенничает француз, говоря о своей бедствующей державе, о ее неурядицах, государю, к которому примчал не без корысти. Да, князя всегда волновали междоусобные распри, где бы они ни протекали. И хотя Франция была далеко от Руси, происходящие там раздоры Ярослав воспринимал болезненно. Они предупреждали государя о том, что и на Руси может возникнуть подобное. Но Русь уже прошла через усобицы, и тому Ярослав был не только очевидцем, но и вождем слияния ее в единую державу. Ныне Русь – великое государство лишь благодаря его, Ярослава, рдению. И великий князь прервал пространный рассказ Бержерона:

– Однако, любезный Пьер, к чему ты освещаешь столь печальную судьбу короля Франции? Почему не воздаешь ему хвалу? Как говорят у нас, пустил бы ложь во спасение, и делу конец.

---

¹⁶ Ендова – широкий сосуд с отливом или носиком.

¹⁷ Домен – в Западной Европе в Средние века земельное владение феодала, где он вел собственное хозяйство; территория, на которую распространялась политическая власть короля, герцога, графа.

– Наберись терпения, государь, и познаешь истину. – И Бержерон, пригубив вина, продолжал: – Так вот мы, парижане, верим, что наш король выстоит против коварного брата Роберта, а вкупе с ним и против всех графов и герцогов вместе. Конечно, ему было бы легче, если бы не козни матери. Он любит ее, а она его ненавидит, плетет интриги, устраивает заговоры. Она вовсе стала волчицей, когда несколько лет назад король Генрих овдовел. Его супруга, королева Матильда, умерла, не оставив Франции наследника Капетингов. Как горевал Генрих, как страдал в прежние годы, что Матильда не может родить ему сына! Сколько даров принес он к стопам покровителя Франции, святого Дионисия, прося его протянуть милосердную длань и помочь Матильде одарить державу наследником! И вот Генрих пустился на поиски достойной супруги...

Ярослав начал понимать, почему Бержерон так пространно показывает бедственное положение короля Франции. Похоже, надеялся получить от Руси какую-либо помощь бедному Генриху. Что ж, француз не ошибся, явившись на Русь в поисках благодетеля. Одно смущало великого князя: Бержерон не был уполномоченным посланником короля Генриха. Он, как странствующий рыцарь, искалклады для короля из личных побуждений. «Однако же они похвальны», – подумал Ярослав и с еще большим вниманием стал слушать благородного рыцаря.

– Но Божья кара властвует над несчастным Генрихом, – продолжал Бержерон. – Его молитвы Дионисий и поныне не слышит. Вот уже два года вдовец ищет себе достойную супругу, которая защитила бы королевство Парижа и Орлеана от сиротства. Наш король еще молод, ему всего тридцать три года, он полон сил и жажды творить добрые дела. И он нашел бы невесту благородного рода, но тому мешают происки матери. Она ополчилась против короля самого папы римского Бенедикта Девятого, и тот шлет Генриху всякие епитимии и запрещения. Этот итальянец из рода графов Тускунь имеет какие-то родственные связи с королевой Констанцией и запрещает нашему благочестивому королю вступать в брак с родственницами по мужской и женской линии до седьмого колена. Это неслыханно. Парижане во гневе. Но волю папы им не сломить.

Ярослав удивился: как можно налагать такой запрет?

– Подожди, братец, – остановил он Бержерона. – Выходит, что такой мерой папа Бенедикт лишил Генриха возможности жениться на любой благородной девице Франции?

– И не только Франции. Королева Констанция доказала папе, что Генрих не может искать жену среди принцесс Италии и Германии, Дании, Бельгии и Голландии.

– Экая напасть на бедного Генриха, – согласился Ярослав. – Но ведь ему мало одной нашей жалости. Потому выкладывай, землепроходец, чем можно помочь королю Франции? Ты ведь с этим прикатил за тысячу верст. – Ярослав пригубил вино и продолжал слушать Бержерона.

А тот повеселел и хлебнул из кубка от души. Он уже добился того, к чему шел: великий сир великой державы не остался безучастным к его печальной повести о короле Франции. Теперь надо было сказать о главном. Но, будучи склонным к многоречию, Пьер опять-таки отправился в путь не через гору, а в обход:

– Я ведь сочинитель, князь-батюшка. И потому, осматривая земли от берегов Средиземного моря и до Северного, до Черноморья и Беломорья на Руси, думаю о будущем этих земель и тех государств, которые лежат в этих пределах. И увидел я через свои хождения, что придет время, и Русь с Францией породнятся. Да, да, государь, и в этом ты мне поверь. Я ведь провидец, – похвалил себя Пьер. – У нас один Господь Бог, мы – христиане. У нас близкие нравы. Мы так же молоды, как вы, разве что чуть постарше; мы ищем ратной славы не в разбоях, а во имя торжества добра и справедливости. – Бержерон на миг задумался, еще хватил вволю вина и выдохнул наконец то, о чем болезненно размышлял с того дня, как покинул Париж: – Да что

там ходить вокруг да около. Пора допить вино из открытой бутылки. Князь-государь, отдай нашему прекрасному и мужественному королю Генриху свою прекрасную княжну Анну.

Ярослав склонил набок голову, прищурил хитрые глаза и долго рассматривал Бержерона, даже улыбался. Наконец сказал:

– О том я давно догадался, что услышу от тебя подобное. Да думал и о том, что ты не посланец короля Генриха, а лишь странствующий сочинитель. И что же ты мне ответишь, ежели я соглашусь?

– Согласись, князь-батюшка, согласись, – горячо произнес Пьер. – А там и послы заявятся. Я и приведу их. Да мигом, мигом! Птицей полечу на берега Сены!

Бержерон не сказал Ярославу всей правды. Перед отъездом на Русь у него была встреча с королем Генрихом. И об этой встрече Пьер будет вспоминать потом. А пока он повторял:

– Птицей, князь-батюшка! Я примчу с самыми именитыми сватами Парижа!

– Ты к тому способен, – похвалил его Ярослав. – Вот только скажи мне, каков ликом твой государь?

Сие не очень-то волновало великого князя, но ему хотелось услышать слово влюбленного в своего короля француза. Да и про Анну подумал.

Бержерон поспешил наполнить кубок вином и удивленно спросил:

– Сир, а каким ты представляешь себе рыцаря, который в году по несколько раз бросается в сечи? Шрамов у него больше, чем у нас пальцев на руках. Но он красив, как рыцарь. Он похож на меня, а разве этого мало?

Ярослав засмеялся, но от ответа уклонился. Сказал же о том, что насторожило Бержерона:

– Не знаю, что и поведать тебе, любезный. Анна своенравна, и у нее есть причины отказать Генриху.

– Ой, князь-батюшка, сие неискренне от тебя. Ты в силах убедить Анну, и даже неволить ее не будешь. Сказывал же ты, что королевами становятся не ради личного счастья, но ради блага державы. Нам, французам, нужна такая королева, как твоя дочь.

– Однако ты, сочинитель, видел мою дочь отроковицей. Как можешь утверждать, что вам она подойдет как королева?

– О государь, прожженный Бержерон узнает дичь по шелесту крыл. Статью она – царица, ум у нее державный! Разве этого мало, чтобы быть королевой? – Бержерон приблизился к Ярославу и тихо, с улыбкой сказал: – К тому же россиянки плодовиты. Я наслышан о бабушке Анны, Рогнеде.

Ярослав устало покачал головой. Он понял, что Бержерон не отступится, пока не выжмет из него согласия. Промолвил:

– Не будем толочь воду в ступе, любезный. Ты отдохни с дороги в моих покоях и оставь все заботы мне. Добавлю, что на Пасху в Киев съедутся князья-русичи с семействами, и многие княжны красотой сверкать будут. Посмотришь на них, может, выберешь для своего государя.

И Ярослав позвонил в колокольчик. Появился дворецкий, и князь сказал ему:

– Матияш, отведи гостя в покой на отдых.

Бержерон поклонился и ушел следом на Матияшем. А князь Ярослав, мерно шагая по палате, думал о судьбе Анны. Он считал, что было бы достойно для Руси, ежели бы Анна стала королевой Франции, пусть пока маленькой и слабой державы. Но знал Ярослав, что Анна так и осталась для него загадочной и получить ее согласие на замужество с вдовцом не так-то просто. Найдет ли он убедительные увещания? Не понадобится ли ему употребить наконец-то власть отца, чего он не хотел? В конце концов, ежели он добьется согласия Анны, не испугается ли она убожества Франции? Жалко было отцу любимую дочь. Дрогнет – и жизнь будет сломана. Да и кого не устрасит королевский домен, окруженный алчущими поглотить его! Размышления привели мудрого князя в растерянность. Он понял, что избавиться от нее может только после

того, как поговорит с дочерью. Тогда в разговоре с Анной о супружестве с английским принцем Эдвином он не добился ее согласия. Теперь где-то в глубине души у него жила вера в то, что в Анне произошли многие перемены и победит ее благоразумие, ибо она уже осознала свое назначение. Вера принесла Ярославу успокоение, и он ушел почивать со светлой душой.

А до утренней трапезы Ярослав встретил озабоченного Бержерона. Великий князь любил чуть свет выйти из покоев на подворье, пройтись по хозяйственному двору, заглянуть в конюшни. Близ них он и увидел сочинителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.